

ВОЕННЫЙ РОМАНЪ.

Года два тому назадъ, въ нѣкоторыхъ французскихъ военно-периодическихъ издавiяхъ впервые была высказана мысль о возможности и даже необходимости существованiя особаго рода литературы, именно--военнаго романа, причемъ французы не могли воздержаться, чтобы съ обычною своею хвастливостiю не заявили, что этотъ родъ литературы созданъ во Францiи, гдѣ онъ существуетъ еще съ тридцатыхъ годовъ.

Нельзя не признавать, что дѣйствительно, такъ называемый, военный романъ, какъ его понимаютъ французы, имѣетъ полное право занять видное мѣсто вообще въ современной литературѣ. Да надо къ тому прибавить, что онъ всегда и занималъ подобное мѣсто въ литературѣ, но только никогда не цѣляли изъ него особаго вида литературныхъ произведенiй. Съ тѣхъ поръ, какъ существовало военное сословіе, должны были появляться, и дѣйствительно появлялись, изображенiя жизни, быта, обычаевъ и нравовъ этого сословія, которое всегда, по самому складу своему и по всей своей обстановкѣ, представляло и будетъ представлять весьма много своеобразнаго. Поэтому-то было бы совершенно излишне претендовать, что такъ называемый военный романъ представляетъ что-либо новое, не существовавшее прежде; было бы странно съ другой стороны и стараться о томъ, чтобы выдѣлать вообще рассказы изъ военнаго быта въ какой-то особый видъ литературныхъ произведенiй, какъ стараются о томъ французы.

Но рядомъ съ этимъ нельзя не сознаться, что вниманiе, обращенное французами на подобнаго рода литературныя произведенiя, желанiе ихъ, такъ сказать, поднять на ходули

воинный романъ, имѣеть извѣстное значеніе и не лишено основанія. Военное общество представляетъ весьма своеобразный, въ высокой степени живой организмъ, который однако до сихъ поръ былъ еще чрезвычайно мало изучаемъ, и жизнь его слишкомъ мало обращала на себя вниманіе. На арміи еще недавно смотрѣли, какъ на какую-то машину, состоящую изъ разныхъ составныхъ частей; все вниманіе было поглощено лишь тѣмъ, чтобы заботиться о ихъ техническомъ совершенствѣ, такъ какъ отъ этого зависѣла сила всего механизма, его прочность и примѣнимость къ дѣлу. На самую внутреннюю жизнь войскъ, на ихъ нравственную сторону еще недавно не обращали почти никакого вниманія. Но теперь все болѣе и болѣе измѣняется этотъ взглядъ на войска; новѣйшее военное искусство требуетъ, чтобы въ каждомъ членѣ арміи прежде всего видѣли человека, а потомъ уже машину, которой предназначено дѣйствовать съ ружьемъ, и съ коновъ или съ орудіемъ; теперь въ законодательствахъ и въ дѣлахъ военныхъ положеній прямо стремятся къ тому, чтобы не сальмувать индивидуальность военного человека, а напротивъ, по мѣрѣ возможности, еще болѣе развивать ее, и въ самомъ этомъ развитіи искать опоры для болѣе надежной передѣлки его въ живую воина. При этомъ, конечно, болѣе чѣмъ когда-либо требуется обстоятельное изученіе быта военного, основаніе на нѣмъ тѣхъ условий, подъ которыми онъ развивается; необходимо изучать армію не только съ одной внешней, технической стороны, но и со стороны внутренней, духовной.

Матеріаловъ для подобнаго изученія представляется каждому наблюдателю громадное количество. Не говори уже о томъ, что каждая армія, каждой отдѣльный родъ оружія являютъ весьма много особенностей въ своей жизни, каждая отдѣльная единица арміи — полкъ, батальонъ, батарея — имѣеть свой особый характеръ, свои преданія, свой взглядъ на разные вопросы; въ каждой изъ нихъ все это складывается не только подъ вліяніемъ современнаго значнаго фортава ея, но также и въ зависимость отъ ея прошлаго, отъ всей обстановки ея настоящаго. Взять, наприимръ; часть постоянно стоящую въ столицѣ и другую сформированную гдѣ-нибудь на Кавказѣ, въ Алжирѣ, или въ степяхъ Турнестана и никогда не покидающую ея отъ мѣстоностей. Каждая громадная раница во всѣхъ привычкахъ, понятияхъ и взглядахъ какъ вещь, каждая изъ

служавшихъ въ этихъ частяхъ! Какъ разнообразны должны быть впечатлѣнія солдата вновь поступающаго въ эти части, начиная съ простаго, только что взятаго отъ сохи рекрута и до командира части! Какая совершенно различная работа, конечно внутренняя, душевная, нужна для того, чтобы вновь прибывшій выработался вполне въ союзна, подходящаго къ общему характеру части!

И все это, только картины мирнаго времени. А сколько разнообразія вносится въ нихъ при выступленіи въ походъ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, въ тѣ минуты, когда приходится стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, когда жизнь каждый день виситъ на волосѣ!

Среди такого богатства матеріаловъ, для талантливаго наблюдателя, можетъ встрѣтиться развѣ только затрудненіе въ выборѣ предмета наблюденія, но за то всякое наблюденіе, всякая передача его будетъ въ высшей степени плодотворна. Если вообще признается крайнею полезною дѣятельность тѣхъ писателей, которые описываютъ намъ современное общество, указывая на его жизнь, его достоинства и недостатки, то не менѣе, если даже, не болѣе полезною должна представиться дѣятельность тѣхъ литераторовъ, которые переносятъ свою наблюдательность на военное сословіе. Выбирая живые типы изъ среды военной жизни, анализируя ихъ, выставя въ болѣе яркомъ свѣтѣ, который ясно обрисовываетъ то, что осталось бы сокрытымъ подъ покровомъ военного мундира, воинской дисциплины и строя, подобные писатели оказываютъ этимъ двойную услугу и тому обществу, въ которомъ живутъ, и особенно той арміи, изъ которой заимствуютъ своихъ героевъ.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда, вслѣдствіе разныхъ весьма разнообразныхъ причинъ, повсемѣстно сочтено было необходимымъ сильно увеличить вооруженія, численность армій, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и военные бюджеты, въ обществѣ все болѣе и болѣе стали появляться и распространяться нападки и нареканія на арміи, на военное сословіе и на все имѣющее отношеніе къ военному дѣлу. Увлекаясь экономическими расчетами, общество, въ виду громадныхъ суммъ, поглощаемыхъ вооруженными силами, стало враждебно относиться и къ самой арміи, выставя ее представительницею грубой физической силы, преградю для развитія современной цивилизаціи и прогресса, учрежденіемъ несовременнымъ въ

нашъ вѣкъ просвѣщенія и умственнаго развитія? Всѣ подобнаго рода пререканія на армію не только номѣщались въ газетныхъ столбцахъ, но нерѣдко раздавались и въ разныхъ законодательныхъ и ученыхъ собраніяхъ. Весьма естественно, что то верасположеніе, которое установилось отчасти протівъ арміи какъ особаго учрежденія, было нерѣдко переносимо многими и на отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу арміи. Во время войны и въ первые годы послѣ нея, обыкновенно, общество видитъ и цѣнить заслуги арміи, ея героизмъ, ея самоотверженіе; но, по мѣрѣ того какъ ослабѣваютъ воспоминанія о военныхъ событіяхъ, слабѣетъ и та оцѣнка, которую общество дѣлаетъ арміи. Забывая прошедшіе военные подвиги арміи, общество упускаетъ изъ виду возможность подобныхъ же подвиговъ и въ будущемъ, и, единогласно подъ впечатлѣніемъ экономическихъ расчетовъ, готово видѣть въ каждомъ военно-служащемъ чуть не дармовца, который только обременяетъ государственный бюджетъ, живетъ для общества непроизводительно, вводя лишь государство въ расходы и ничѣмъ не отплачивая ему за то. Всѣ подобнаго рода нападки на армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на отдѣльныхъ ея членовъ, начали съ особенною силою распространяться въ западной Европѣ въ послѣдніа 10—15 лѣтъ. Военныя событія прошлаго года нѣсколько поуменьрили нападки, но не прекратили ихъ совершенно, и, безъ всякаго сомнѣнія, нареканія снова подымутся при первомъ удобномъ случаѣ. А помогаютъ ли сколько-нибудь дѣлу эти нареканія? Нисколько; напротивъ, они вредятъ дѣлу, потому что возбуждаютъ антагонизмъ, вражду между обществомъ военнымъ и гражданскимъ. Правительства, создавая и поддерживая армію, конечно, будутъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ не газетными толкамъ, не односторонними идеями нѣкоторыхъ политико-экономистовъ, а соображеніями общегосударственными, мнѣніями спеціалистовъ. Всѣ нападки на армію не уменьшать никогда ея значенія, но онѣ раздражаютъ ее, какъ вообще можетъ раздражать всякая несправедливость. Не лучше ли было бы если бы общество взглянуло на армію прямо съ надлежащей точки зрѣнія, не какъ на учрежденіе обременяющее государство и тормозящее его развитіе, а какъ на учрежденіе вполне необходимое, скромное и даже незавидное положеніе котораго въ мирное время должно воз-

будущаго сочувствіе въ виду той пользы, которую оно принесетъ въ случаѣ войны. Быть можетъ, тогда общество увидѣло бы, что люди, которыхъ оно нерѣдко незаслуженно порочить названіями дармоедовъ, сословія непроизводительнаго, что эти именно люди даже и въ мирное время трудятся, и не мало, для будущей общей пользы всего общества, что они для того, чтобы обезпечить въ случаѣ надобности успѣхъ общаго дѣла, должны пережить много всякихъ лишеній и трудовъ, что наконецъ вся дѣятельность ихъ въ обществѣ государственномъ строѣ отнюдь не ничто и не менѣе значительна, какъ и другихъ членовъ общества.

Нѣ случайно, у насъ враждебное настроеніе общества противъ арміи далеко еще не развито въ столь обширныхъ размѣрахъ, какъ въ западной Европѣ; можно сказать даже, что если подобная враждебность и встрѣчается у насъ, то въ видѣ исключенія, въ видѣ очень рѣдкихъ случаевъ. Вообще же говоря, русская армія пользуется въ нашемъ обществѣ издавна установленнымъ къ ней уваженіемъ, которое является признакомъ сдѣлать той роли, какую играло военное сословіе въ политическихъ судьбахъ Россіи, съ самаго учрежденія у насъ регулярныхъ войскъ. Кому, какъ не нашей арміи обязана Россія первымъ обезпеченіемъ своихъ обширныхъ границъ? Кому, какъ не этой арміи, являвшейся на Рейнѣ, въ Италию, подъ стѣнами Парижа, обязано наше отечество своимъ политическимъ значеніемъ? Развѣ не эта же самая армія упрочила владычество Россіи на Кавказѣ, внесла вліяніе ея въ Среднюю Азію, наконецъ отстояла честь ея и значеніе на развалинахъ Севастополя? Все это сдѣлано русскою арміею при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей. А затѣмъ, сколько еще услугъ оказала она нашему отечеству, давъ ему изъ своей среды цѣлый рядъ государственныхъ мужей и дѣятелей на всевозможныхъ вѣтвяхъ общественной дѣятельности! И не мало еще другихъ, болѣе или менѣе важныхъ, услугъ оказало наше военное сословіе русскому обществу, перечислять которыхъ здѣсь было бы слишкомъ долго и неумѣстно.

Принимая все это во вниманіе, нечего кажется заботиться о томъ, чтобы прикриты наше общество съ арміею; воспоминанія о заслугахъ последней отечеству долго еще будутъ жить у насъ, и смѣло можно надѣяться, что стоитъ лишь представиться случаю, и наша армія не замедлитъ своими дѣй-

ствіями приобрести нѣзныя права на уваженіе общественности и на благодарную и добрую память потомства.

Однакожъ, несмотря на столь очевидную разницу отношеній нашего общества къ армии сравнительно съ такими же отношеніями въ западной Европѣ, и у насъ необходимо знакомить общество съ бытомъ военнослужащихъ; можно сказать даже, что у насъ это еще болѣе необходимо, чѣмъ въ западной Европѣ. Если армія наша пользуется дѣйствительно заслуженнымъ уваженіемъ общества, если существованіе ея въплоть необходимо для поддержанія политическаго значенія нашего отечества и для защиты его отъ многочисленныхъ недоброжелателей, то, конечно, для общества не можетъ быть безъинтересно, какъ живетъ эта армія, формируемая изъ его же среды, что переноситъ она, какого рода внутренняя жизнь таится въ ней. Одни официальные документы для подобнаго ознакомленія недостаточны: они знакомятъ общество лишь съ формою, съ внѣшностію, и только описанія частнаго быта военныхъ, сдѣвъ изъ военной жизни, разныхъ характеровъ, выработавшихся подъ условіями военной обстановки, могутъ ознакомить общество съ внутреннею жизнью арміи; съ ея духомъ и направленіемъ.

Какъ важно это, стоитъ только вспомнить усѣхъ, какой имѣли севастопольскіе рассказы графа Л. Н. Толстаго; съ какою жадностію общество читало ихъ именно потому, что рассказы эти знакомили съ мелочами внутренняго быта достославныхъ севастопольскихъ защитниковъ (*). Конечно, то была эпоха совершенно исключительнаго настроенія нашего общества, но можно, надѣется, безъ преувеличенія сказать, что рассказы графа Толстаго и вообще разныя письма изъ Севастополя, описанія частныхъ сдѣвъ и т. п. вораздо болѣе содѣйствовали упроченію въ нашемъ обществѣ надлежащей оцѣнки героизма севастопольскихъ защитниковъ, чѣмъ официальныя донесенія, которыя какъ бы хорошо ни были составлены, никогда не будутъ имѣть той яркости и возможности, какою отличаются литературныя описанія военныхъ дѣйствій.

Но если военные повѣсти и рассказы столь необходимы въ военное время для ознакомленія общества съ бытомъ арміи, то нельзя не признать, что не менѣе необходимость ихъ была

(*) Новый романъ того же автора „Война и миръ“ возбуждаетъ, въ эту минуту, сильнѣйшій интересъ въ читающей публикѣ.

зывается и во время мира, когда общество не имѣетъ почти никакихъ средствъ для ознакомленія съ войсками. Дѣйствительно, въ мирное время оно имѣетъ только рядъ разныхъ правительственныхъ распоряженій, приказовъ, отчетовъ, изъ которыхъ преимущественно узнается важность военного быта. Въ военное время подвигаются по крайней мѣрѣ корреспондентскія свѣдѣнія дѣйствующей арміи, а во время мира и этого нѣтъ. Впрочемъ теперь, съ введеніемъ публичнаго военного суда, общество получаетъ возможность ознакомиться съ разными сторонами внутреннего военного быта еще и по протоколамъ военныхъ судовъ, печатаемымъ въ газетахъ. Не очевидно, что подобнаго рода ознакомленіе далеко недостаточно и что для болѣе полнаго ознакомленія общества съ арміею необходимо лучше посредство литературы, которая одна въ состояніи представить живую картину внутреннего быта военного сословія.

Военные рассказы, повѣсти, романы существенно полезны и для нашей арміи, которая въ нихъ видитъ точное изображеніе дѣйствительныхъ достоинствъ и недостатковъ, реально выставленныхъ и могущихъ служить поучительнымъ и интереснымъ чтеніемъ въ досужее отъ служебныхъ занятій время.

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, не трудно прийти къ заключенію, что военный романъ, или просто рассказы изъ военного быта заслуживаютъ полное вниманіе и что много есть причинъ, заставляющихъ читать подобнаго рода литературнаго произведенія. Между тѣмъ, произведенія эти по большей части разбросаны въ разныхъ періодическихъ издаваніяхъ; ознакомленіе съ ними крайне затруднительно. Это обстоятельство и побуждаетъ насъ сдѣлать попытку представить нечто въ родѣ сборника наиболее замѣчательныхъ военныхъ и бываегрическихъ произведеній, выбирая между ними по преимуществу такіе, въ которыхъ наиболее рѣзкими чертами изображены различныя стороны военного быта, различные стороны отличительнаго качества военного сословія.

На первый разъ мы остановились на произведеніяхъ принадлежавшихъ французскому писателю, Альберту де-Виньи, и заглавіемъ познакомились съ характеристичною военнаго романами Д. Н. Толстого и съ военными, или такъ можно назвать, парадными романами французскихъ литераторовъ: Бланшедова, Эркмана и Шапріана.

I.

АЛЬФРЕДЪ ДЕ-ВИНЬИ.

Писатели этого французы признаютъ родоначальникомъ военнаго романа. Появившееся въ печати, еще въ тридцатыхъ годахъ, его сочиненіе: „*Servitude et grandeur militaires*“ пользуется во Франціи и до сихъ поръ извѣстностію, какъ образцовый сборникъ отдѣльныхъ картинъ изъ военной жизни, блестящихъ и темныхъ сторонъ которой авторъ подмѣтилъ съ рѣдкими тактомъ и изобразилъ съ неподражаемымъ искусствомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ ознакомленію съ произведеніями Альфреда де-Виньи, необходимо очертить личность этого писателя, что дастъ возможность лучше понять характеръ его взглядовъ на войска и вообще на военное общество. Самъ авторъ, въ предисловіи къ своему сочиненію, приводитъ нѣсколько данныхъ, которыя вполне разъясняютъ и жизнь его и составившія въ немъ воззрѣнія. Альфредъ де-Виньи съ дѣтства наэлектризовался страстію къ военной службѣ; благодаря разсказамъ своего отца, который былъ истинный французскій дворянинъ и волею въ душѣ, страстно жаждущій битвъ и военной славы.

„Я всегда любилъ слушать и наблюдать“ — говоритъ Альфредъ де-Виньи: — „еще съ дѣтства меня пріучалъ къ тому мой отецъ. Часто, сидя на его израненныхъ кобѣняхъ, я слушалъ его разсказы о былыхъ походахъ и тогда уже мирился съ мыслью о войнѣ, которая мнѣ представлялась не иначе, какъ въ рывахъ отца, въ дворянскихъ грамотахъ и гербахъ моихъ предковъ, въ ихъ большихъ портретахъ, украшенныхъ латами, на которыхъ я всегда засматривался съ удивленіемъ и любовью. Все дворянство казалось мнѣ тогда одною великою семьею потомственныхъ воиновъ, и я мечталъ только о томъ, чтобы когда-нибудь сдѣлаться такимъ же воиномъ.“

Перейдя изъ родительскаго дома на школьную скамью, Альфредъ де-Виньи не переставалъ мечтать о военныхъ подвигахъ. Время было такое, когда все жаждало стремиться на поля сраженій, когда звезда Наполеона I сіяла еще въ полномъ блескѣ и когда въ особенности вся молодежь не могла оставаться покойною среди побѣдныхъ кликовъ и упоеній славы. Превосходно обрисовываетъ Альфредъ де-Виньи это общее увлеченіе молодежи и тогдашнее ея настроеніе. „Подъ конецъ импе-

ринъ — говорить онъ — „и былъ самымъ разсѣяннымъ лицеистомъ. Въ нашемъ лицейномъ настроеніи было воинственное: звукъ барабана заглушалъ для насъ голоса преподавателей, книги и записки производили на насъ непріятное и грустное впечатлѣніе. Ложарными и троими служили, по общему нашему мнѣнію, только ступенями къ достиженію звѣзды почетнаго легіона, наилучшей изъ всѣхъ небесныхъ звѣздъ для тогдашнихъ молодыхъ людей.

Никакое знаніе не могло долго удержаться въ головахъ, взбужденной побѣдными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ благодарственныхъ молебствій. Когда же кто-либо изъ нашихъ товарищей, всерьезъ не выходя изъ лицей, вылезъ къ намъ въ мундиръ гусара, да еще съ перевязанной рукой, мы поминутельно стыдился тогда нашихъ книгъ, и онъ дѣлалъ въ годовой преподавательскій. Да и сами преподаватели читали намъ по большей части одни билеты великой арміи и наши крики: да здравствуетъ императоръ! не разъ прерывали чтеніе Тацита и Платона. Преподаватели наши ходили скорѣе на геральдическія, наши аудиторіи — на казармы, наши отдыжки — на казармы, а экзамены шли въ виду острого и параднаго.“

Естественно, какое разочарованіе должно было одхватить Альберта де-Виньи, когда онъ, наконецъ, кончивъ свое образованіе, поступилъ въ военную службу, но не въ ряды уже знаменитой наполеоновской арміи, а въ армію Бурбонскую, въ которой старался заглушать всѣ воспоминавія прежней славы и не подавали никакой надежды на будущія отдыжки. Тогдашняя молодежь все еще не хотѣла вѣрить, чтобы Франція могла жить мирною жизнью, а потому всѣ стремились въ ряды арміи, всѣ воображали, что Франція показывается только тогда, что отдыжаетъ, но что отдыхъ долженъ скорѣе прекратиться.

„Каждый день“ — говоритъ Альбертъ де-Виньи — „давалъ намъ новую надежду на войну и мы не рѣшались оставить службу, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій. Такъ прошли многіе, наилучшіе тогда нашей жизни, въ продолженіе которыхъ мечтали сразиться когда-либо на поляхъ Марса, мы истощали въ вѣяныхъ парадахъ и пустыхъ спорахъ всю нашу энергію. Тогда-то овладѣла мною страшная скука, которую я никакъ не ожидалъ встрѣтить на этомъ столь любимомъ мною водрущѣ, и для меня сдѣлалось потребностію и привычкой, послѣ утомительной и пустой тревоги дня, ночью задушивать надъ

тѣмъ, что мнѣ приходилось видѣть, и слышать ежедневно. Въ мой поэмы, въ мои автарскія проиаведенія суть ясны и смѣлы думы, вѣтъхъ вѣстей. Дневная же жизнь доставляла мнѣ столько матерьяла и подробности, которыми я могъ обогатить мою любимую мысль. Не рассчитывая уже болѣе ни на настоящую, ни на будущую славу войны, я старался найти ее хотя въ воспоминаваніяхъ моихъ товарищей.

Съ этими-то товарищами, свидѣтелями наводеній, съ побѣдой, какъ видно, болѣе всего обмѣнялся Александръ де-Виньи; къ нимъ лежать въ его смятеніи, между тѣмъ, какъ о свѣтъхъ сослуживцахъ-сверстникахъ. Онъ постоянно отмахивался съ самой дурной оторопы, обливая ихъ немилосердными зарскамаи. „Я никогда не могъ понять“—говоритъ онъ—„чтомо-недѣляемо, враздвѣго и тупаго тщеславія нашей военной молодежи того времени, вѣтъхъ куращей и играющей въ карты, заботящейся только о своей вѣщности и покрѣй цѣлѣхъ любителей трактировъ и бильярда. Разговоръ ихъ одиался отъ разговора всей свѣтлой молодежи того времени только тѣмъ, что былъ несравненно пошлѣе его. Между тѣмъ, чтобы воспользоваться уроками смѣтныхъ людей, я не пропускалъ ни одного случая слушать разговоры старыхъ офицеровъ, сопровождаая ихъ въ прогулкахъ, когда они сообщали другъ другу свои воспоминаванія. Видя въ нихъ пожежительность вѣщности, они съ готовностію сообщали мнѣ всѣ обстоятельства своей жизни и все то, что могло интересовать меня. Часто гуляли мы въ лѣсу, или по полямъ; окружавшимъ нашу крѣпость, или же по берегу моря, и востда общій вѣтъхъ природы, каждое видоизмѣненіе мѣстности служило для насъ неслучайнымъ источникомъ воспоминаваній: то опасная засада, то какой-нибудь другой эпизодъ боя приходилъ на память, и тутъ слышалось сознательное о мѣнуащемъ времени воспоминаній опасностей, воспоминалось съ уваженіемъ имя знаменитаго генерала, или приносилась наивная, дѣтски-человѣчская благодарность какому-нибудь хотя и не громкому, но тѣмъ не менѣе почтаемому имени; при всѣмъ этомъ видна была такая откровенность, такая искренности, что я невольно узнавалъ отъ нихъ краемъхъ людей, закаланныхъ въ бѣдствіяхъ и пожежително подозревавшихъ даже всѣхъ своихъ достоянствъ. Не хвастаясь, могу сказать, что у меня удивительная память; въ медлѣйшія себѣхъ моей жизни и теперь еще рисуются яеною карти-

ною, въ немъ изображеніи, несколько не свѣсиваясь и не блѣдая отъ времени. Все черное въ нихъ производитъ на насъ и теперь еще такое же депривное впечатлѣніе, какъ и прежде; все прозаиче кажется еще свѣжѣе, чѣмъ прежде, особенно если невольная слеза орошаетъ его и тѣмъ придававшему еще большій блескъ и свѣжесть. Я припоминаю, иногда иль это нужно, самыя даже неважныя разговоры, слышанныя въ моей жизни, и иль бы пришлось написать много писать, если бы я задумала сопоставить или мои равнаны, единственное достоинство историче иезычашенная действительность.

При такой-то обстановкѣ сложился литературный талантъ Альфреда де-Вильи. Съ ранняго дѣтства проникнутый жгучею воинскою славой, онъ со всею полнотою своей юной души возлюбилъ военное дѣло и нетерпѣливо ждалъ войны, въ которой бы могъ явиться дѣятелемъ. Но именно въ ту пору, когда онъ вступилъ на военное поприще, для Франціи настали времена мира и онойствія, такъ что въ теченіи всей своей службы, ему не пришлось участвовать ни въ одномъ сраженіи, ни въ одномъ боевомъ походѣ. Печальны по этому разочарованію и досады молодого воина, такъ страстно жаждашаго боя и борьбы. Тѣмъ не менѣе онъ никакъ не рѣшился оставить службу, все еще считая глубокій миръ ненормальнымъ положеніемъ для своего отечества.

Принужденный по этой причинѣ оставаться на службѣ, онъ неостановленно знакомился съ характеромъ военного быта, привыкшавъ на дѣлѣ къ его прелестямъ и недостаткамъ. Не находя въ жизни того, чего жаждалъ, онъ думалъ найти воспоминаніе въ воспоминаніяхъ своихъ товарищей; но и это не утѣшаетъ его: онъ все-таки недоволенъ своей судьбой и всегда глубоко сожалѣлъ о томъ, что не родился раньше.

Обиженный и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ и въ своихъ самыхъ задушевныхъ наклонностяхъ, Альфредъ де-Вильи возненавидѣлъ службу, правдою которой въ мирное время ему такъ же нравилась, и въ 1822 году вышелъ въ отставку, по причинѣ расстроенаго здоровья. Тогда ему было тридцать лѣтъ; онъ былъ капитаномъ 55-го линейнаго пѣхотнаго полка. Имѣя еще немало болѣе терпѣнія, его военная дѣятельность могла бы найти себя нищу въ послѣдовавшихъ вскорѣ свѣдѣть войнахъ. Но онъ не могъ помириться съ долгами, томитель-

нымъ испытаніемъ. Подобно всѣмъ нетерпѣливымъ натурамъ, которые раздражаются всякою отсрочкою, онъ скорѣе согласился разстаться съ своими лучшими мечтами, чѣмъ слишкомъ долго ожидать ихъ осуществленія; скорѣе рѣшился совсѣмъ бросить свою шпагу, чѣмъ дать ей заржавѣть въ ножнахъ. Безмѣрное разочарованіе и великая скорбь—вотъ все что вынесъ Альфредъ де-Виньи изъ своей изумительной военной дѣятельности. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній онъ адѣлался по-этомъ и, конечно, по-этомъ разочарованнымъ.

Что Альфредъ де-Виньи поэтъ и великій художникъ; это не подлежитъ сомнѣнію; въ художественномъ отношеніи произведенія его заслуживаютъ безусловной похвалы. Точность подробностей, живость и вѣрность красокъ, занимательность, оконченность и жизненность картинъ и отдѣльныхъ портретовъ, все соединено въ его произведеніяхъ рукою замѣчательнаго мастера. Характеры, нравы и стремленія, все это такъ вѣрно въ твореніяхъ Альфреда де-Виньи, что нельзя не удивляться силѣ его художественнаго таланта: въ этомъ отношеніи, произведенія его могутъ служить образцами.

Но самая важная заслуга Альфреда де-Виньи состоитъ въ томъ, что онъ первый въ нынѣшнемъ вѣкѣ сталъ замѣтывать свои рассказы изъ военнаго быта и сумѣлъ возбудить живой интересъ въ читающей публикѣ къ военнымъ рассказамъ. Онъ первый пробудилъ сочувствіе къ солдату; онъ первый раскрылъ намъ его душу, полную величія и доброты, покорную въ несчастіи, безропотную въ страданіи, доступную всѣмъ лучшимъ и возвышеннымъ человѣческимъ стремленіямъ.

Если въ чемъ можно упрекнуть Альфреда де-Виньи, то развѣ въ пристрастіи его взглядовъ на характеры и чувства выставляемыхъ имъ героевъ. Стараясь анализировать эти чувства, становясь въ роль не художника, а мыслителя, философа, Альфредъ де-Виньи, подъ впечатлѣніемъ своей разочарованности, нерѣдко впадаетъ въ крайности: онъ преувеличиваетъ иногда истину для того, чтобы вѣрнѣе подвести факты подъ свои заключенія, чтобы рельеснѣе выказать ту или другую старую военнаго характера или военнаго быта.

Такъ, напримѣръ, въ первыхъ главахъ своего сочиненія „*Servitude et grandeur militaires*“, Альфредъ де-Виньи путемъ философскихъ размышленій приходитъ въ довольно странно-му заключенію, что не только военная организація древняго

Рима, но даже и феодальное устройство вооруженныхъ силъ имѣла весьма многія существенныя преимущества сравнительно съ нынѣшними военными системами. Величайшимъ зломъ новѣйшаго времени Альфредъ де-Виньи признаетъ то, что современныя арміи составляютъ какъ бы особую націю въ государствѣ, между тѣмъ какъ въ древности и даже въ средніе вѣка было болѣе связи между арміею и обществомъ: въ то время каждый гражданинъ былъ воиномъ, и на оборотъ, каждый воинъ былъ гражданиномъ. Необходимо замѣтить, что Альфредъ де-Виньи говоритъ это о первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда дѣйствительно арміи составляли что-то особенное въ государствѣ, неимѣвшее никакой общей связи съ прочимъ обществомъ; тогда всѣ заботы были направлены къ тому, чтобы совершенно уединить армію отъ общества, и тогда-то, по выраженію Альфреда де-Виньи, армія была подобна дитяти, которое далеко отстало отъ народа по развитію и которому прекращена всякая возможность дальнѣйшаго роста. Но съ того времени взгляды на армію и на отношенія ея къ обществу измѣнились, и самъ Альфредъ де-Виньи если бы увидаль теперешнія арміи, то вѣроятно отказался бы отъ заявленій, сдѣланныхъ имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Такая постановка личныхъ взглядовъ разсматриваемаго нами писателя и особенно несоотвѣтственность этихъ взглядовъ съ современными понятіями о значеніи арміи, даютъ намъ право не слишкомъ останавливаться собственно на философскихъ разсужденіяхъ Альфреда де-Виньи, которыя, составившись подъ вліяніемъ его разочарованности и личныхъ увлеченій, не всегда отличаются вѣрностію заключеній, да притомъ же и несоотвѣтственны современному положенію дѣлъ. Въ произведеніяхъ его мы преимущественно будемъ останавливаться на тѣхъ типахъ, которые имъ обрисованы, на типахъ, тѣмъ болѣе интересныхъ и поучительныхъ, что они вовсе не имѣютъ исключительнаго значенія для одной французской арміи, а представляютъ намъ образцы военныхъ доблестей равно общихъ арміямъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Начнемъ съ первой повѣсти „*Лоретта*“, или „*Красная печать*“, одного изъ лучшихъ произведеній Альфреда де-Виньи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1815 года Альфредъ де-Виньи ѣхалъ верхомъ въ свитѣ французскаго короля Людовика XVIII по доро-

гѣ изъ Парижа къ сѣвернымъ границамъ Франціи. Въ то время уже достоверно было извѣстно, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и, встрѣчаемый общимъ восторгомъ, приближался къ столицѣ, готовый безъ сопротивленія открыть ему свои ворота; войска, высланныя противъ него Бурбонами, присоединились къ императорскому знамени, и король вынужденъ былъ оставить столицу, чтобы съ небольшимъ числомъ приверженцевъ искать убѣжища въ Голландіи, подъ защитою англо-прусскихъ штыковъ. Альфредъ де-Виньи, какъ сказано, находился въ свитѣ короля, но лошадь его расковалась, и онъ отсталъ отъ своихъ товарищей; притомъ погода была дождливая, дорога плохая и лошадь его еле передвигала ноги по грязи. Насвистывая со скуки, онъ задумался и невольно задалъ себѣ вопросъ: куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ? Отвѣтъ былъ очень простъ: его эскадронъ былъ впереди и ему слѣдовало только нагнать его: туда призывалъ его *долгъ службы*.

„Сознаніе этого долга“—говоритъ Альфредъ де-Виньи—„навивало на меня невозмутимое спокойствіе духа. Видя такое множество людей, и молодыхъ и старыхъ, весело переносящихъ усталость и лишенія, видя этихъ красивыхъ, свѣтскихъ юношей, послѣдовавшихъ за королемъ и рискующихъ всей своей будущностію, я почувствовалъ то чудное нравственное спокойствіе, которое пріобрѣтается сознаніемъ, что мы не уклонимся отъ исполненія долга чести; я понималъ, что самоотверженіе вещь болѣе легкая и болѣе обыкновенная, чѣмъ объ этомъ многіе думаютъ“.

Но вскорѣ Альфреду де-Виньи пришлось испытать, что не всегда самоотверженіе при исполненіи долга чести обходится такъ легко. Бываютъ случаи, когда это самоотверженіе обходится весьма дорого, когда оно потрясаетъ всю нравственную природу человѣка, когда нужна громадная борьба съ самимъ собою, чтобы рѣшиться на самопожертвованіе, чтобы устоять неуклонно на пути долга чести и служебныхъ обязанностей.

Случай къ тому представила Альфреду де-Виньи сдѣланная имъ на дорогѣ встрѣча.

Погруженный въ свои мечтанія, Альфредъ де-Виньи нагналъ въ скоромъ времени ѣхавшую по той же дорогѣ простую, крытую телѣжку; усталую, тощую лошадь, еле-тащившую телѣжку, велъ подъ-узды человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми

усами, но еще сильный и здоровый на видъ. Онъ имѣлъ грубую, но добрую физиономію; сторбленная фигура его заставляла подозрѣвать въ немъ пѣхотнаго офицера, носившаго когда-то ранецъ. Онъ былъ въ мундирѣ и изъ-подъ изодранной, старой, коротенькой шинелишки его выглядывали эполеты баталіоннаго командира. Какъ оказалось изъ завязавшагося между Альфредомъ де-Виньи и незнакомцемъ разговора, это былъ старый служака, проведшій свою молодость во флотѣ и затѣмъ перешедшій въ армію; Бурбоны наградили его орденомъ почетнаго легіона, вслѣдствіе чего онъ теперь слѣдовалъ за бѣжавшимъ изъ Парижа королемъ, готовый снова стать во главѣ своего баталіона. Въ телѣжкѣ же, которую везла лошадь, ведомая имъ подъ-узды, сидѣла женщина, имѣвшая громадное значеніе въ жизни стараго служака и сдѣлавшаяся героинею повѣсти. По просьбѣ Альфреда де-Виньи, спутникъ его рассказалъ ему свою исторію, что именно побудило его перейти изъ флота въ армію, какое значеніе при этомъ имѣла везомая имъ женщина и этотъ-то живой рассказъ Альфредъ де-Виньи приводитъ цѣликомъ въ своей повѣсти, сохраняя всю типичность повѣствованія стараго, заслуженнаго баталіоннаго командира. Постараемся передать рассказъ возможно короче, останавливаясь лишь на тѣхъ частяхъ его, которыя могутъ служить для характеристики самого рассказчика.

Герой разказа съ ранняго дѣтства питалъ страсть къ морю, и единственной мечтой его было сдѣлаться во что бы то ни стало морякомъ; еще ребенкомъ, онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и поступилъ на службу на купеческое судно, отправлявшееся въ Индію; пятнадцать лѣтъ скитался онъ, въ качествѣ юнга, по всѣмъ морямъ земнаго шара и наконецъ удостоился чести получить мѣсто капитана одного купеческаго корабля. Когда же революція разогнала храбрыхъ моряковъ прежняго королевскаго флота, его назначили капитаномъ военнаго брига, носившаго названіе „Марать“.

Состоя въ этомъ званіи, онъ получилъ въ 1798 году приказаніе немедленно отплыть въ Кайенну и отвезти туда шестьдесятъ солдатъ и одного ссыльнаго изъ числа политическихъ преступниковъ, захваченныхъ стоявшею тогда во главѣ французскаго правительства директорією.

„Мнѣ приказано было“—рассказывалъ старикъ—„обращаться съ ссыльнымъ бережно и въ то же время мнѣ былъ вру-

чень отъ директоріи толстый пакетъ, запечатанный тремя красными печатами, изъ которыхъ средняя была значительно больше двухъ другихъ. Распечатать его я имѣлъ право только по переходѣ черезъ экваторъ и тогда долженъ былъ въ точности исполнить всѣ заключавшіяся въ немъ приказанія. Этотъ подозрительный пакетъ постоянно смущалъ меня, и сколько я ни старался сквозь углы конверта разглядѣть его содержаніе, но они были такъ плотно заклеены, что всѣ мои попытки оставались безуспѣшными“.

Ссылный былъ красивый юноша лѣтъ девятнадцати; ему сопутствовала молодая его жена—Лоретта, прелестнѣйшее созданіе, лѣтъ семнадцати. Какъ оказывается изъ повѣсти, начало плаванія было ихъ медовымъ мѣсяцемъ: всего за четыре дня до отъѣзда была ихъ свадьба. Сосланъ же былъ юноша за ничтожный памолетъ въ какихъ-нибудь пять-шесть куплетовъ, написанныхъ имъ противъ директоріи.

Плаваніе до экватора было весьма продолжительно и мало по малу капитанъ сдружился съ молодыми людьми.

„Молодые люди“ — рассказывалъ онъ — „такъ понравились мнѣ, что я каждый день приглашалъ ихъ къ себѣ обѣдать и мы цѣлые дни проводили вмѣстѣ. Послѣ обѣда онъ часто писалъ мнѣ бумаги, а она, сидя на боченкѣ, шила или вязала. Они были всегда такъ веселы, такъ довольны всѣмъ, что беззаботная ихъ веселость невольно радовала и меня старика. Я конечно никогда и не думалъ спрашивать ихъ объ имени, званіи и проступкѣ, за который они были сосланы. Какое мнѣ было дѣло до этого?—мнѣ, перевозчику? Это до меня нисколько не касалось, и я долженъ былъ просто перевезти ихъ на другой берегъ, все равно, какъ если бы мнѣ поручено было перевезти.... ну, хоть райскихъ птичекъ“.

Съ каждымъ днемъ капитанъ все болѣе и болѣе привязывался къ молодымъ супругамъ, какъ къ своимъ роднымъ дѣтямъ и однажды сдѣлалъ имъ даже слѣдующее предложеніе: „Знаете ли, милые друзья мои: мнѣ кажется, вмѣстѣ мы бы составили прекрасную семью? Сомнѣваюсь, чтобы у васъ было много денегъ, а для того, чтобы копать землю, какъ дѣлаютъ ссыльные въ Кайеннѣ, вы оба слишкомъ нѣжны. Признаться, это скверная страна; но мнѣ, старому воробью, это рѣшительно все равно: я и тамъ проживу бариномъ. А потомъ, если только вы меня сколько-нибудь любите, я съ удоволь-

ствіемъ брошу свою службу и поселюсь въ Кайеннѣ вмѣстѣ съ вами. У меня нѣтъ ни друзей, ни близкихъ, кромѣ одной собаки, да и та мнѣ очень надоѣла; а вы замѣните мнѣ семью, и мы весело проживемъ вмѣстѣ. Въ чемъ могу—я вамъ буду полезенъ: у меня есть немного денегъ, которыя я успѣлъ скопить, когда былъ еще капитаномъ купеческаго корабля; онѣ намъ пригодятся, а когда я отправлюсь на тотъ свѣтъ, то онѣ достанутся вамъ въ наслѣдство“.

Предложеніе это, хотя и было отклонено молодымъ человекомъ, но оно показываетъ, до какой степени капитанъ сдружился со своими невольными пассажирами. И дѣйствительно, видъ согласія и счастья этой юной, преисполненной любовью четы, долженъ былъ подѣйствовать на суровую, но воспримчивую душу стараго капитана: онъ горячо привязался къ молодымъ людямъ и въ теченіе почти четырехнедѣльнаго плаванія полюбилъ ихъ такъ, какъ рѣдкій отецъ любитъ своихъ собственныхъ дѣтей. — Только воспоминаніе о страшномъ пакетѣ нарушало повременамъ счастье и капитана и его спутниковъ, но они утѣшали себя надеждою, что, быть можетъ, въ пакетѣ нѣтъ ничего дурнаго для нихъ, что, быть можетъ, это только рекомендація кайеннскому губернатору. Однакожь надежды эти оназались тщетными: пакетъ заключалъ въ себѣ смертный приговоръ молодому ссыльному.... Да позволено будетъ намъ выписать цѣликомъ изъ повѣсти Альфреда де-Виньи то мѣсто, гдѣ капитанъ рассказываетъ, какъ онъ вскрылъ пакетъ, какія чувства волновали его душу и какъ онъ поступилъ.

„Съ четверть часа — рассказываетъ онъ — я держалъ пакетъ въ рукахъ, не рѣшаясь распечатать его. Но что за глупость? сказалъ я наконецъ самъ себѣ и разомъ сорвалъ печати.

„Прочитавъ внимательно распоряженіе директоріи, я сначала подумалъ, что я ошибся. Я снова прочелъ, прочелъ затѣмъ въ третій и въ четвертый разъ, и мнѣ все невѣрилось, чтобы то, что я читалъ, было дѣйствительно написано. Колѣни у меня дрожали, я присѣлъ; лицо горѣло какъ въ огнѣ, я сталъ натирать его ромомъ, теръ свои руки и въ то же время внутренно смѣялся надъ своею слабостію.... Но нужно же было и образумиться: я наконецъ вышелъ на палубу.

„Тамъ я засталъ Лоретту; она была восхитительно хороша въ этотъ день; стоя рядомъ съ мужемъ, она забавлялась, лова

веревкою плывущія по поверхности воды морскія растенія и весело хохотала.

„Взойдя на шпанцы, я позвалъ ея мужа; она съ ужасомъ посмотрѣла на меня и, удерживая его за руку, проговорила: „Ахъ, не ходи къ нему, онъ такъ блѣденъ сегодня.“

„И дѣйствительно, я былъ необыкновенно блѣденъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, я взялъ его подъ-руку, и мы долго расхаживали по палубѣ, не говоря другъ другу ни слова.

„Послушайте — сказалъ я ему наконецъ — расскажите-ка мнѣ, что вы такое надѣлали? Съ вами, кажется, не шутятъ! Странно, право!

— „О Боже мой, капитанъ! — сказалъ, вздыхая и приподнявъ немного плеча, блѣдный юноша — ровно ничего не сдѣлалъ: написалъ всего три-четыре глупыхъ и неудачныхъ водевильныхъ куплета на директорію. И изъ-за нихъ-то я былъ арестованъ 15-го фруктидора и посаженъ въ тюрьму; 16-го меня уже присудили къ смерти, но, по особой милости, смягчили приговоръ и подвергли ссылкѣ.“

— Странно, замѣтилъ я. А вѣдь они не шутятъ. Мнѣ приказано разстрѣлять васъ!

„Онъ не отвѣтилъ на это ни одного слова, только горько улыбнулся и потомъ взглянулъ на свою жену. Я также не могъ быть равнодушнымъ, у меня навертывались на глазахъ слезы.“

— Должно быть имъ не хотѣлось покончить съ вами тамъ на сушѣ, такъ они передали васъ мнѣ на море, сказалъ я. Но мнѣ это ужасно непріятно, потому что вы знаете, какъ я васъ люблю; а между тѣмъ, право, я не смѣю ослушаться — приказъ написанъ со всею строгостію.

„Да я отъ васъ этого и не требую, капитанъ“, замѣтилъ онъ своимъ нѣжнымъ голосомъ: „мнѣ вовсе не хочется сдѣлать васъ ослушникомъ закона. Мнѣ бы хотѣлось только еще разъ переговорить съ женой и затѣмъ попросить васъ, если можно, не бросать ее на произволъ судьбы, если она переживетъ меня“.

— О! на этотъ счетъ будьте покойны — произнесъ я съ жаромъ — я свезу ее, если хотите, во Францію и не оставлю ее до самой моей смерти. Но, переживетъ ли она васъ? вотъ вопросъ!

— Мой блѣдный другъ — сказалъ онъ тогда, сжимая мнѣ

объ руки — я знаю, вы больше моего страдаете; но, что же дѣлать? Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы защитите ея честь, ея состояніе, которое можетъ ей остаться послѣ матери, и въ особенности позаботитесь объ ея здоровьи. Сказать вамъ по правдѣ, она очень нѣжна: у нея слаба грудь, ей нужно тепло одѣваться. Вы ей замѣните отца, мать и меня отчасти. Если можно будетъ не продавать брилліантовыхъ колець, которыя она имѣетъ отъ матери, то это будетъ великое благодѣяніе, но если понадобится, то нечего дѣлать. Бѣдная моя Лоретта!... посмотрите, какъ она хороша сегодня.

— Всѣ ваши желанія будутъ буйвально исполнены — сказать я — между порядочными людьми это дѣлается само собою. Ступайте, поговорите теперь съ женою — прибавилъ я, пожимая ему руку — только совѣтую вамъ не цѣловать ея и не быть особенно нѣжнымъ, чтобы она не догадалась, въ чемъ дѣло; объ остальномъ же не беспокойтесь: мы постараемся устроить все какъ можно лучше, чтобы не сдѣлать ее свидѣтельницей вашей смерти. Да, мой другъ, будьте благоразумны: эти прощанія ужасно разстраиваютъ!

„Еще разъ я пожалъ ему руку, и мы расстались. О! это была жестокая минута для меня!

„Какъ видно, онъ въ точности послѣдовалъ моему совѣту, потому что молодые супруги попрежнему продолжали спокойно разговаривать и рассказывать по палубѣ. Я же ждалъ вечера, потому что выбралъ это время дня для приведенія въ исполненіе жестокаго приговора.... Да, этотъ вечеръ для меня долго будетъ памятенъ; мнѣ его никогда не забыть!“

Наступилъ наконецъ роковой вечеръ. Капитанъ распорядился, чтобы Лоретту отвезли на лодкѣ подальше отъ корабля, чтобы она не слышала выстрѣловъ, поразившихъ ея мужа, не видѣла, какъ его трупъ будетъ брошенъ въ море. Во все время этихъ приготовленій, капитанъ свирѣпѣлъ внутренно противъ несправедливости директоріи, однако буйвально исполнилъ приказаніе. Несчастный молодой человекъ погибъ; но, по неловкости оеицера, управлявшаго лодкою, на которую была посажена Лоретта, бѣдная женщина сдѣлалась невольною свидѣтельницей смерти своего мужа: она видѣла, какъ онъ, прострѣленный двѣнадцатью пулями, падалъ черезъ бортъ въ воду. Сама она не упала въ обморокъ, даже не вскрикнула: она поднялась на ноги, схватила себя за голову,

какъ бы раненая пулею, и опять присѣла въ лодкѣ, а потомъ, не произнося ни слова, возвратилась на корабль.

— Я подошелъ къ ней — продолжалъ капитанъ — и сталъ заговаривать. Она внимательно слушала меня, смотрѣла мнѣ прямо въ глаза, но, очевидно, не понимала меня. Лобъ у нея горѣлъ, лицо было блѣдно какъ смерть; она дрожала всѣмъ тѣломъ. Вы ее можете видѣть такою въ телѣжкѣ и теперь.... Идиотка ли она, слабоумная, или сумасшедшая, право не знаю, какъ назвать. Только никогда уже съ тѣхъ поръ она не говорила ни съ кѣмъ ни полслова, исключая только, когда жалобно просить, чтобы у нея сняли что-то со лба.

Съ того времени я сталъ такимъ же скучнымъ, какъ и она; тайный голосъ шепталъ мнѣ постоянно: *оставайся до кончины дней твоихъ при ней и береги ее!* И я исполнилъ это. Возвратившись во Францію, я просилъ перевода тѣмъ же чиномъ въ армию, возненавидѣлъ море, въ которомъ мнѣ пришлось пролить невинную кровь, и повезъ Лору къ ея роднымъ. Мать ея уже умерла; сестры не согласились принять къ себѣ сумасшедшую, и вотъ съ тѣхъ поръ до настоящаго дня я все во-жусь съ нею.“

И дѣйствительно, во всѣхъ походахъ, которыми такъ богато было время съ 1797 по 1815 годъ, честный капитанъ всюду возилъ за собою Лоретту, выдавая ее за дочь и раздѣляя съ нею свое скудное содержаніе; внимательность его къ больной была такъ велика, что, отказывая себѣ во всемъ, онъ не рѣшался продать ея брилліантовыхъ колець, которыхъ она никогда не снимала съ руки.

Остановившись отдохнуть на привалѣ, капитанъ показалъ Альфреду де-Виньи женщину, которую онъ какъ нѣжная мать лелѣялъ своей заботливостью. Такъ какъ погода была сырая, то онъ снялъ съ себя галстухъ, чтобы повязать шею Лореттѣ, своимъ сюртукомъ укрылъ ей ноги, чтобы согрѣть ихъ. И все это дѣлалъ тихо, покойно, безъ малѣйшаго ропота или неудовольствія на судьбу. Когда Альфредъ де-Виньи, восторженный чуднымъ характеромъ стараго служака, этой преисполненною самоотверженія жизнью, схватилъ и съ жаромъ пожалъ руку честнаго капитана, назвавъ его истинно благороднымъ человѣкомъ, то это почти удивило старика.

— Отчего вы такъ думаете?... сказалъ онъ удивляясь. Развѣ по поводу этой несчастной? Но вы хорошо понимаете, что я

только исполню свой долгъ. Я ужь давно отдалъ себя въ жертву долгу.

„На слѣдующее утро — говорить Альфредъ де-Виньи—мы прибыли въ Бетюнь, первый городъ въ той мѣстности, въ которой укрѣпились тогда королевскія войска. Городъ былъ на военномъ положеніи. Въѣхавъ въ городъ, я потерялъ въ толпѣ моего честнаго старика и, въ сожалѣнію, навсегда: вскорѣ я узналъ, что онъ убитъ подъ Ватерлоо, а бѣдная женщина, лишившись въ немъ своего отца и покровителя, умерла, нѣскольکو дней спустя, въ какомъ-то госпиталѣ.“

На этомъ кончается разсказъ Альфреда де-Виньи, и начинаются его размышленія по поводу очерченного имъ типа. Типъ схваченъ необыкновенно мѣтко, и надо сознаться, что личности, подобныя выставленному въ повѣсти баталіонному командиру, встрѣчаются нрѣдко во всѣхъ арміяхъ. Они воспитываются самою арміею, такъ сказать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышитъ солдатъ, тѣми условіями, подъ которыми онъ живетъ. Альфредъ де-Виньи сознается, что ему удавалось встрѣчать не мало такихъ людей въ рядахъ арміи. „Да—говорить онъ—эта встрѣча съ описаннымъ мною баталіоннымъ командиромъ познакомила меня съ особымъ родомъ людей, которыхъ страна плохо цѣнитъ и мало знаетъ; съ тѣхъ поръ такіе люди возбуждали всегда во мнѣ глубокое къ нимъ уваженіе. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ моей службы въ арміи, и особенно въ этихъ несчастныхъ, въ этихъ забитыхъ рядахъ пѣхоты, я встрѣчалъ часто людей съ подобнымъ характеромъ, мужественно и слѣпо подчиняющихся чувству долга, не совѣстившихся такого подчиненія и не стыдящихся бѣдности. Простые нравами и рѣчью, гордые славой отечества, а не своею личною славой, они не добиваются извѣстности и дѣлятся съ несчастными послѣднимъ кускомъ черстваго хлѣба, всегда добытаго цѣною крови и тяжелой службы.“

Хотя Альфредъ де-Виньи въ приведенной нами повѣсти, какъ и въ другихъ, не выдвигаетъ на первый планъ своей личности, старается, напротивъ, болѣе оставаться въ тѣни, чтобы не заподозрили его въ пристрастіи, заставляетъ говорить и дѣйствовать другихъ, а самъ является только въ качествѣ разскащика, тѣмъ не менѣе видно, что онъ истинно со-

чувствуетъ своимъ героямъ и устами ихъ высказываетъ свои собственные мысли.

Въ особенности это замѣтно въ повѣсти „Красная печать“, по поводу той тяжелой обязанности, которая выпала на долю героя повѣсти вслѣдствіе служебнаго долга. Необходимость непрекословнаго исполненія полученнаго приказанія ставить героя повѣсти въ самое безотраднo тяжелое положеніе, но онъ, помня свой долгъ, исполняетъ приказаніе, какъ оно ни возмутительно для него. Это-то положеніе, въ высшей степени трагическое, возмущаетъ Альфреда де-Виньи; онъ ропщетъ на тѣ установленія, которыми создается подобное положеніе, заявляетъ, что такіа установленія должны подлежать радикальному измѣненію, хотя самъ сознается, что этотъ вопросъ слишкомъ важенъ, что онъ затрогиваетъ основанія военной организаціи. Дѣйствительно, военная служба такова, что вынуждаетъ человѣка нерѣдко забывать все передъ необходимостію исполненія своего долга, своихъ обязанностей, какъ бы они тяжелы ни были; она требуетъ и должна требовать отъ военно-служащаго непрекословнаго исполненія даннаго ему порученія или приказанія. Исключеній тутъ быть не можетъ, потому что слишкомъ разнообразны обстоятельства всей обстановки военной дѣятельности, и если допускать исключенія въ однихъ случаяхъ, то всегда могутъ явиться произвольныя толкованія и для другихъ, непредвидѣнныхъ случайностей. А что стало бы тогда со всей военной дисциплиной, этимъ главнымъ основаніемъ всякой благоустроенной арміи!

Понятно, почему Альфредъ де-Виньи, какъ ни возмущенъ непріятностію служебнаго положенія своего героя, относится къ нему съ уваженіемъ, какъ къ человѣку достойному за строгое исполненіе того, что составляетъ долгъ его службы, и въ то же время самъ не находитъ ничего, что бы можно было предложить для выхода изъ подобнаго труднаго положенія. Да и что можно было бы предложить въ этомъ случаѣ?

Въ первой своей повѣсти, Альфредъ де-Виньи выставляетъ случай, въ которомъ обязанности военнoслужащаго являются съ самой невыгодной и мрачной стороны, является необходимость полнѣйшаго отреченія отъ своего собственнаго я и слѣпое повиновеніе полученному приказанію. Конечно, подобные случаи составляютъ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ воен-

наго быта, избѣгнуть которыхъ нѣтъ никакой возможности, однако они не уменьшаютъ высокаго значенія и прелестей военного быта. Даже столь разочарованный писатель и притомъ поэтъ, какъ Альфредъ де-Виньи, находитъ, что вообще военная жизнь служитъ прекрасною книгою, изъ которой много можно научиться.

Армія — обширная школа для изученія самыхъ разнообразныхъ характеровъ, возвышенныхъ добродѣтелей и достоинствъ; въ ея рядахъ происходитъ постоянное столкновеніе богатства съ бѣдностію, утонченной образованности съ грубымъ простодушіемъ только-что взятаго отъ сохи простолюдина; все это перерабатывается въ военномъ быту подъ одинаковыми условіями жизни и обычаявъ, и въ результатъ получается совершенно особый, отличный отъ прочаго общества, типъ военнотружениковъ, которымъ справедливо восторгается Альфредъ де-Виньи.

„Эта простота нравовъ военнаго сословія—говоритъ онъ—эта беззаботная и веселая бѣдность, эта жизнь рискованная и на-распашку, безъ притворной вѣжливости и ложной сентиментальности, все это, конечно, грубая, но прочная связь, имѣющая свою особенную прелесть, недоступную другимъ званіямъ. Я зналъ не мало такихъ офицеровъ, которые до того свыкались съ этой жизнью, что не рѣшались покинуть ее, несмотря на очевидныя выгоды, представлявшіяся имъ на другихъ поприщахъ.“

Чтобы представить, сколько наивной прелести заключается въ военной жизни, особенно въ жизни тѣхъ скромныхъ, ничѣмъ не замѣчаемыхъ, служакавъ, которыхъ всегда и вездѣ можно встрѣтить, Альфредъ де-Виньи во второй своей повѣсти, озаглавленной имъ „Венсенская ночь“ (*La veillée de Vincennes*), очерчиваетъ типъ подобнаго служаки, человека самоотверженнаго, честнаго, скромнаго и добродушнаго. Прочитавъ эту повѣсть, всякій невольно сознается, что ему знакомы подобныя личности, что гдѣ-то онъ встрѣчалъ ихъ.

Нельзя однако не признать, что изъ всѣхъ произведеній Альфреда де-Виньи повѣсть эта наиболѣе слаба; она растянута крайне длиннымъ и не особенно характеристичнымъ разсказомъ о поступленіи на службу и о женитьбѣ героя. Всѣ эти подробности могутъ быть еще до нѣкоторой степени интересны для француза, но для насъ не представляютъ ничего любопытна-

го. Итакъ, не останавливаясь на этомъ произведеніи Альфреда де-Виньи, познакомимъ лучше читателей съ третьею его повѣстью: „Жизнь и смерть капитана Рено, или Камышевая трость“, удачнѣйшимъ изъ твореній этого автора. Герой повѣсти также лицо безвѣстное, скромное, преданное своему служебному долгу, не претендующее на мѣсто въ исторіи, но тѣмъ не менѣе достойное уваженія и добраго воспоминанія. „Вообще, воинское величіе — говоритъ Альфредъ де-Виньи — прелесть военной жизни, по моему мнѣнію, бывають двухъ родовъ: есть особая прелесть въ начальствованіи и особая въ подчиненіи. Первая болѣе внѣшняя, блестящая, гордая, эгоистическая, съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, по мѣрѣ того какъ требованія современной цивилизаціи становятся болѣе миролюбивыми. Другая же чисто-пассивная, скромная, сосредоточенная въ себѣ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе почета и значенія, ибо теперь, когда слабѣетъ страсть къ побѣдамъ, все возвышенное въ характерѣ воина представляется не только въ самоотверженіи его на полѣ битвы, но и въ умѣннн молча, терпѣливо, безропотно переносить даже и въ мирное время то, къ чему вовсе не лежитъ душа его, что нерѣдко бываетъ для него даже ненавистно“.

Въ своихъ повѣстяхъ Альфредъ де-Виньи именно выводитъ на сцену преимущественно людей второй категоріи, то есть тѣхъ, которые, скромно скрываясь въ рядахъ арміи, не обращаютъ на себя ничьего вниманія, а между тѣмъ по своимъ дѣламъ, по своимъ добродѣтелямъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что онѣ не выставляются напоказъ, заслуживаютъ глубокаго уваженія и сочувствія. Въ этомъ и состоитъ заслуга Альфреда де-Виньи: онъ сумѣлъ выдвинуть неизвѣстныхъ скромныхъ личности на первый планъ и, освѣтивъ ихъ надлежащимъ образомъ, возбудить къ нимъ сочувствіе читателей. Для прославленія великихъ полководцевъ и героевъ всегда найдется множество писателей, исторіографовъ, поэтовъ, художниковъ, которые нерѣдко даже съ прибавленіями передадутъ міру всѣ малѣйшія обстоятельства жизни и подвиговъ своихъ героевъ. Но за подвигами этими скрывается обширная дѣятельность лицъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ, безъ которой и самые славные подвиги не имѣли бы никакого значенія—дѣятельность, составляющая нерѣдко всю сущность этихъ подвиговъ. А между тѣмъ лишь въ весьма немногихъ случаяхъ литература и наука удостои-

вають своимъ вниманіемъ безвѣстныхъ, скромныхъ личности, только дѣйствующія, но не пользующіяся плодами своей дѣятельности, личности, на долю которыхъ выпадаютъ одни тернія да труды, но о которыхъ часто съ вопіющею несправедливостію забываютъ скоро. Одну изъ такихъ личностей и выводитъ Альфредъ де-Виньи въ повѣсти: „Капитанъ Рено“, приводя ее въ соприкосновеніе съ личностію Наполеона I и англійскаго адмирала Колингвуда, который является у автора олицетвореніемъ высшаго идеала военной чести и чувства долга. Что же касается до Наполеона I, то Альфредъ де-Виньи выставляетъ его характеръ слишкомъ односторонне и, по отзыву французскихъ критиковъ, даже позволяетъ себѣ искажать нѣкоторые историческіе факты. Однако нельзя не замѣтить, что многія черты характера Наполеона схвачены авторомъ вѣрно, именно такъ, какъ ихъ изображаютъ не тѣ панегиристы императора, которые были ослѣвлены его славою, а историки болѣе близкой къ намъ эпохи.

Повѣсть свою Альфредъ де-Виньи начинаетъ знакомствомъ съ личностію капитана Рено, котораго онъ встрѣтилъ на Парижскомъ бульварѣ, во главѣ командуемой имъ роты гвардейскихъ гренадеровъ, въ одинъ изъ первыхъ дней іюльской революціи 1830 года.

Капитанъ Рено былъ очень неглупый и образованный человекъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ гвардіи и офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Онъ былъ простъ въ обращеніи, не щепетилевъ, не честолюбивъ, много читалъ, но очень мало говорилъ, отвѣчая всегда отрывисто и сухо; съ виду это былъ холодный, необщительный человекъ, но при случаѣ онъ выказывался полнымъ энтузіазма, энергіи и добродушія. Высокій, блѣдный и мрачный, онъ имѣлъ между бровей довольно глубокой шрамъ, который нѣрѣдко изъ синяго своего цвѣта превращался въ черный и придавалъ тогда суровое выраженіе его холодному, но обыкновенно кроткому лицу. Капитанъ былъ любимъ своими солдатами; во время испанской кампаніи всегда на ихъ лицахъ проявлялась необыкновенная радость, когда надъ ними принимала начальство „камышевая тросточка“.... Такъ прозвали старые солдаты капитана Рено по поводу трости, на которую онъ всегда опирался и которую почти никогда не выпускалъ изъ рукъ: отчасти это было послѣдствіемъ старой раны на ногѣ; но кромѣ того мож-

но было замѣтить, что трость была ему особенно дорога и что съ нею у него связывалось какое-то воспоминаніе. Даже въ сраженіяхъ, находясь въ цѣпи и приближаясь къ непріятелю, капитанъ Рено не выпускалъ изъ рукъ трости и не обнажалъ шпаги, но дѣлалъ все это безъ всякой афектаціи, просто, нисколько не желая рисоваться.

За нѣсколько дней до іюльской революціи, онъ подалъ было въ отставку, но когда оязалось, что на улицахъ Парижа можетъ дойти до серьезнаго дѣла, то счелъ нужнымъ возвратиться къ своимъ старымъ гренадерамъ и стать во главѣ ихъ, единственно изъ опасенія, чтобы о немъ не подумали, что онъ ушелъ въ виду очевидной опасности. Когда же Альфредъ де-Виньи сказалъ ему, что такое поведеніе достойно похвалы, то капитанъ Рено съ жаромъ возразилъ ему:

— Достойно похвалы! достойно похвалы!... Да вѣдь это только модное слово, глупое слово... если хотите. Я ненавижу похвалы; разсыпать ее не годится; она очень не дорого стоитъ, и теперь ею почти всѣхъ награждаютъ. Намъ слѣдовало бы остерегаться ея, потому что похвала извращаетъ людей. Если что дѣлать, то должно дѣлать для себя, а не для славы... Такъ по крайней мѣрѣ я думаю объ этомъ... прибавилъ онъ довольно грубо.

— Но есть же у насъ и другой принципъ гораздо лучший, чѣмъ слава—замѣтилъ Альфредъ де-Виньи:—это честь!

Капитанъ Рено съ жаромъ схватилъ и пожалъ его руку.

— Да, мы всѣ такъ думаемъ—сказалъ онъ—и я всю свою жизнь придерживался этого принципа, но онъ мнѣ дорого стоитъ... Это не такъ легко, какъ вы полагаете.

Этотъ коротенькій отрывокъ достаточно характеризуетъ взглядъ капитана Рено на служебныя обязанности, а рассказанная имъ вслѣдъ затѣмъ исторія его жизни подтверждаетъ, что онъ дѣйствительно въ теченіе всей жизни строго придерживался этого взгляда.

Въ біографіи капитана Рено, рассказанной имъ самимъ, и заключается собственно все содержаніе повѣсти Альфреда де-Виньи, которое мы передадимъ здѣсь вкратцѣ, останавливаясь лишь на наиболѣе характеристическихъ мѣстахъ.

Сынъ стараго служака, Рено съ ранняго дѣтства полюбилъ военное званіе, только и мечталъ о войнѣ. Громкая слава Наполеона еще болѣе привлекала его къ боевому поприщу; вскорѣ

онъ привязался къ военному званію, и особенно къ Наполеону, со всѣмъ энтузіазмомъ своей пылкой, юной натуры. Одно обстоятельство много способствовало усиленію этого энтузіазма. Отецъ Рено рѣшился взять его съ собою въ египетскую экспедицію и привезъ его на корабль „Востокъ“, прибывшій въ Мальту съ Наполеономъ Бонапарте. Молодому Рено было тогда двѣнадцать лѣтъ и онъ впервые увидѣлъ въ то время Наполеона, называвшагося еще тогда генераломъ Бонапарте. Вотъ какъ самъ Рено описываетъ первую свою встрѣчу съ великимъ человекомъ и произведенное имъ на него вліяніе.

„Бонапарте стоялъ на палубѣ и разговаривалъ съ Каза-Біанкою, капитаномъ „Востока“, лаская десятилѣтняго его сына. Я сталъ завидовать тогда этому мальчику, видя, какъ онъ прикасался къ шпагѣ знаменитаго полководца. Мой отецъ также подошелъ къ нему, и они о чемъ-то долго говорили. Я не видалъ его лица. Вдругъ онъ быстро обернулся и посмотрѣлъ на меня; я задрожалъ при видѣ этого желтаго, широкаго лба, окаймленнаго длинными волосами, этихъ сѣрыхъ глазъ, остраго подбородка, впалыхъ щекъ и выразительныхъ губъ.... Онъ говорилъ тогда обо мнѣ, но я могъ слышать только слѣдующее:— „Слушай, мой храбрый Рено: если ты этого хочешь, то, пожалуй, поѣзжай со мною въ Египетъ; генералъ же Вобуа, я думаю, управится здѣсь съ своими четырьмя тысячами молодцовъ. Но къ чему ты таскаешь съ собою своего сына: ты знаешь, я этого не люблю и позволилъ это только Каза-Біанкѣ, да и то теперь раскаяваюсь. Отпусти его назадъ во Францію; пусть онъ учится математикѣ, а случись тутъ что-нибудь съ тобою, я тебѣ отвѣчаю за него: я беру его подъ свое покровительство и сдѣлаю изъ него храбраго воина“.—При этомъ онъ взялъ меня за плеча, приподнялъ и поцѣловалъ въ лобъ. У меня закружилась голова, и я чувствовалъ, что съ этихъ поръ онъ сдѣлался моимъ идоломъ.... Я также могъ замѣтить, что такимъ обращеніемъ со мною онъ обворожилъ и моего отца. Онъ приподнялъ меня свободнымъ; но когда опустилъ меня на землю, у него уже было однимъ рабомъ больше“.

Вслѣдъ затѣмъ Рено простился съ своимъ отцомъ, котораго ему не суждено было болѣе видѣть, и былъ отправленъ въ одну изъ военныхъ школъ Франціи. Пока онъ оставался на школьной скамьѣ не мало совершилось переворотовъ: Европа огласилась новыми побѣдами, а генералъ Бонапарте сталъ импе-

раторомъ; молодой же Рено, по окончаніи курса наукъ, былъ назначенъ пажомъ къ императору, и честь находится при его особѣ окончательно ослѣпила его: онъ не въ состояніи былъ оцѣнить этого человека—онъ былъ ослѣпленъ его славою, видѣлъ въ немъ только своего идола....

Два обстоятельства положили, однако, начало разочарованію въ душѣ молодаго Рено, разочарованію, которое было особенно сильно и непріятно по сравненію съ прежнимъ ослѣпленіемъ. Въ 1804 году, то есть, будучи уже пажомъ при императорѣ, Рено получилъ письмо отъ своего отца, находившагося въ плѣну у англичанъ. Отецъ увѣдомлялъ сына, что онъ на порукахъ храбраго англійскаго капитана Колингвуда, человека достойнаго всякаго уваженія, благодаря заступничеству котораго, старику дано было разрѣшеніе жить въ Сиджліи, подъ болѣе теплымъ солнцемъ и яснымъ небомъ, чѣмъ въ Англіи.

„И вотъ гдѣ кажется суждено мнѣ умереть—говорилъ старикъ въ своемъ письмѣ. — Семидесятилѣтняя старость, семь ранъ, глубокое горе и плѣнъ—неизлечимыя болѣзни. Прежде я могъ оставить тебѣ, дитя мое, въ наслѣдство хоть мою шпагу, но теперь и это невозможно, потому что у плѣнниковъ нѣтъ шпаги. Но я могу дать тебѣ, по крайней мѣрѣ, дружескій совѣтъ: не слишкомъ довѣряться такимъ высочамъ, какъ Бонапарте. Онъ добрый малый, но страшный шарлатанъ. Я боюсь, чтобы онъ не изобрѣлъ еще новаго рода фиگارетва; во Франціи у насъ этого добра и безъ того много. Фиگارство его нагло и расчитанно; онъ натворилъ въ нашъ вѣкъ такихъ штукъ, надѣлалъ такого шума своими штыками и барабанами, что вкрался почти во всеобщее довѣріе и особенно въ довѣріе молодежи, которая имъ гордится и чуть не обоготворяетъ его. Но я бы желалъ, чтобы сынъ мой не былъ въ числѣ этой молодежи. Я очень радъ, что онъ мнѣ поручился за твою будущность, но еще разъ скажу тебѣ: не слишкомъ довѣрайся ему.“

Въ письмѣ былъ приведенъ одинъ случай, на основаніи котораго старикъ Рено и позволилъ себѣ считать бывшаго генерала Бонапарте фигаромъ, именно, какъ онъ въ Египтѣ провозглашалъ тосты за продолжительность существованія французской республики, а потомъ самъ же низвергнулъ республику, провозгласивъ себя императоромъ.

Письмо отца и послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть его произвели на молодого Рено тяжелое впечатлѣніе; они умѣрили его восторженность и навели на многія размышленія; онъ сталъ наблюдать за всѣми мелочами частной жизни императора, и это давало ему матеріалъ для новыхъ размышленій, усиливало его разочарованіе. Въ своемъ разсказѣ Рено приводитъ нѣсколько эпизодовъ изъ частной жизни Наполеона, которые выставляютъ послѣдняго съ несомнѣнъ выгодной стороны. Онъ говоритъ:

„При немъ были пажы, тѣ же офицеры, но отличавшіеся отъ строевыхъ своимъ особымъ костюмомъ. Мы были и конюшными, и секретарями, и адъютантами, смотря по его желанію; торчали мы даже у него и въ переднихъ. Даже и въ этомъ учрежденіи проглядывалъ его непреклонный и жестокій характеръ, желавшій надъ всѣмъ властвовать и всѣхъ мучить. Онъ не разъ, напримѣръ, замѣчая мою мрачность, вдругъ подзывалъ меня къ себѣ и заставлялъ меня долго говорить, забавляясь тѣмъ, что я конфужусь, или же заставлялъ меня писать подъ диктовку, вдругъ задавалъ мнѣ какой-нибудь трудный вопросъ изъ географіи или изъ алгебры. Иной разъ я твердо зналъ то, о чемъ онъ меня спрашивалъ, но не могъ отвѣчать — взглядъ его просто уничтожалъ меня. Онъ уходилъ подсмѣиваясь надо мною, а мною овладѣвала тогда страшная злость.... я схватывалъ бумагу и писалъ то, о чемъ онъ меня спрашивалъ, затѣмъ бросался на коверъ и рыдалъ: я готовъ былъ застрѣлиться. Эти злыя шутки озлобляли меня противъ него. Я все больше и больше начиналъ сомнѣваться въ немъ. — „Вретъ онъ“, бѣшено кричалъ я: „его осанка, голосъ, жесты, все это только пантомима пустаго актера, жалкое подражаніе величія—онъ самъ не можетъ не сознавать своего ничтожества.... Не можетъ быть, чтобы онъ самъ такъ дерзко вѣрилъ въ себя; намъ онъ запрещаетъ приподнять завѣсу скрывающую его, а самъ видитъ себя во всей наготѣ.... И что онъ видитъ? Такого же невѣжду, какъ и всѣ мы, да притомъ еще и слабую свою натуру.“

Рено разсказываетъ, какъ презрительно и небрежно обращался Наполеонъ съ разными прошеніями, доходившими до него. На письменномъ столѣ его обыкновенно лежали цѣлыя кучи этихъ прошеній; онъ не давалъ имъ никакого хода, даже не распечатывалъ ихъ и когда увеличивающееся число

ихъ начинало безпокоить его, тогда онъ бралъ кучку прасъбы съ лѣвой стороны и перебрасывалъ на правую.... Большая часть ихъ при этомъ разлеталась по полу; затѣмъ онъ съ правой стороны точно также перебрасывалъ прасъбы на лѣвую и только когда послѣ такой перетасовки оставалось ихъ всего пять-шесть штукъ, распечатывалъ остальные и писалъ свою резолюцію.

Всѣ подобныя воступки должны были сильно возмущать юную, пылкую натуру молодого пажа; онъ жаждалъ, чтобы какой-нибудь случай дозволилъ ему видѣть Наполеона безъ вседневной его маски, видѣть, какъ этотъ герой встаетъ на какую-нибудь болѣе сильную натуру, которая дала бы ему отпоръ. Случай представился. Въ тотъ именно день, когда Наполеонъ имѣлъ свиданіе въ Фонтенебло съ папою Пиемъ VII, привезеннымъ во Францію, молодой Рено, спрятавшись за портьеру императорскаго кабинета, былъ невольнымъ свидѣтелемъ этого свиданія, и видѣлъ, какъ Наполеонъ употреблялъ всѣ средства, чтобы склонить на свою сторону папу, какъ онъ лицемерилъ передъ нимъ, стараясь дѣйствовать на него то страхомъ, то дѣстивыми обѣщаніями. Сцена эта, по увѣренію французскихъ критиковъ, вымыслена Альфредомъ де-Виньи, но тѣмъ не менѣе она очень хорошо, хотя и зло характеризуетъ личность Наполеона I. Опасаясь издичнейе растянутости статьи, мы пропускаемъ эту сцену, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ примаго отношенія къ личности героя повѣсти; достаточно сказать, что сцена окончательно разочаровала Рено въ его идеалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла вліяніе на послѣдующую судьбу его: Наполеонъ какъ-то узналъ, что пажъ его былъ свидѣтелемъ сцены съ папою, вслѣдствіе чего Рено внезапно получилъ приказаніе отправиться въ Булонь, гдѣ и былъ немедленно назначенъ въ составъ экипажа одного корабля, отправлявшагося въ море. Но въ то время между Францію и Англіею существовали непріязненныя отношенія и рѣдкій корабль, выходявшій въ море подъ французскимъ флагомъ, избѣгалъ участи быть захваченнымъ англичанами. Корабль, на которомъ былъ Рено, подвергся этой участи, и самъ Рено отвезенъ на корабль „Victoire“, къ адмиралу Колингвуду, тому самому, въ плѣну у котораго находился и отецъ его. Подъ честнымъ словомъ не бѣжать, Рено остался на адмиральскомъ

кораблѣ и пріобрѣтъ всеобщую любовь; только тоска по родинѣ овладѣвала имъ и не давала покоя, особенно когда съ моря приходилось ему видѣть берега родной Франціи. Къ счастью, только личная дружба и почти отеческая любовь, какую выказывалъ къ нему Колингвудъ, облегчала для него всю тяжесть многодѣтнаго плѣва.

Личность Колингвуда очерчена авторомъ особенно тщательно; она почти идеализирована, какъ высшій образецъ сознательнаго и безропотнаго исполненія долга, какъ бы онъ тяжелъ ни былъ, безграничной любви къ родинѣ, въ жертву которой приносится все, что только есть лучшаго въ жизни. Личность эту Альфредъ де-Виньи очевидно противопоставляетъ личности Наполеона I, въ которомъ онъ наизряднѣе видитъ олицетвореніе безпредѣльнаго эгоизма, приносящаго въ жертву своимъ собственнымъ интересамъ и свойствамъ отечества, и жизнь сотенъ тысячъ своихъ согражданъ. Такое сопоставленіе двухъ личностей совершенно противоположныхъ представляетъ въ повѣсти Альфреда де-Виньи наиболѣе интересное и даже поучительное. Чтобы ознакомить читателей съ замѣчательной личностію адмирала Колингвуда, считаемъ необходимымъ привести рассказъ самого Рево объ отношеніяхъ своихъ къ нему во время плѣва на англійскомъ кораблѣ.

— Мнѣ было хорошо на кораблѣ; всѣ меня любили, всѣ въкливно со мною обращались, не самая ява въглядливость обезоруживала меня, потому что дѣлала всякую мысль о побѣгѣ безчестною. Молча и пѣвонивъ голову, сидѣлъ я однажды у борта и смотрѣлъ на прозрачныя воды океана, придумывая для своего избавленія отъ неволи какую-нибудь геройски-фантастическую смерть, какъ вдругъ кто-то тихо дернулъ меня за рукавъ платья. Я обернулся — это была самъ Колингвудъ. Онъ держалъ въ рукѣ зрительную трубу и былъ одѣтъ съ свойственнымъ всѣмъ англичанамъ изяществомъ, въ прекрасный военный мундиръ. Онъ положилъ мнѣ руку на плечо, и въ его большихъ черныхъ глазахъ я замѣтилъ глубокую грусть. Его сѣдые напудренные волосы небрежно падали на широкій лобъ. Несмотря на невозмутимое спокойствіе и ровность голоса, онъ казался взволнованнымъ, что меня очень удивило.

— Вы скучаете, дитя мое — сказалъ онъ — мнѣ нужно вамъ кое-что разсказать: хотите немного поболтать со старикомъ? —

Я разсѣянно пробормоталъ нѣсколько словъ благодарности; онъ сѣлъ на скамью, держа мою за руку; я стоялъ передъ нимъ.

— Вы плѣнникомъ всего мѣсяць—сказалъ онъ—а я уже тридцать три года. Да, мой милый другъ, я плѣнникъ моря, оно уже тридцать три года сторожить меня.... тридцать три года я только и слышу и вижу что эти волны... мои волосы уподобились какъ цѣпи, моя спина сгорбилась подъ вліяніемъ морской сырости. Я такъ мало жила въ своемъ отечествѣ, что знаю его почти только по картѣ. Тѣмъ не менѣе отечество для меня — это идеалъ, который хотя и вижу я лишь мелькомъ, но которому усердно служу, потому что сознаю, что я нуженъ ему. Такова участь всѣхъ насъ служащихъ. Конечно, желательно быть связаннымъ такими цѣпями, но подчасъ цѣпи эти бываютъ слишкомъ тягостны....

Онъ остановился на минуту.

— Когда я васъ принялъ къ себѣ на корабль, я и тогда не забывалъ своихъ обязанностей. Я бы могъ переслать васъ въ Англію, но тамъ вы могли впасть въ нищету и отчаяніе, отъ которыхъ, надѣюсь, я все-таки спасъ васъ; я очень любилъ вашего отца, и доказательствомъ моей дружбы къ нему служить мое обращеніе съ вами. Надѣюсь, онъ остался бы доволенъ мною, не правда ли?

Коллингвудъ снова замолчалъ и, пожавъ мнѣ руку, посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Я былъ слишкомъ смущенъ, чтобы отвѣчать ему что-нибудь. Онъ продолжалъ.

— Я уже писалъ въ адмиралтейство, чтобы васъ имѣли въ виду при первомъ разбитіи плѣнныхъ. Но не скрою, что эта исторія еще долго протянется: Наполеонъ не любитъ вѣшаться плѣнными и притомъ нашихъ у него очень мало. А до тѣхъ поръ, я бы совѣтовалъ вамъ заняться со мною англійскимъ языкомъ. Не скучайте, вы раньше меня сдѣлаетесь свободнымъ, потому что меня не отпустятъ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не заключитъ прочнаго мира.

Тронутый такою добротой и расположеніемъ ко мнѣ, я сказалъ:—Милордъ, прежде чѣмъ учить меня вашему языку, научите меня, какъ дойти до такого самообладанія, какъ ваше; выучите меня этому спокойствію души, этому искусству скрывать глубокую тоску и горе подъ маской равнодушія и даже довольства. Извините, если я даже позволю себѣ думать, что

эта видимая добродѣтель ваша неестественна, что она не что иное какъ приговорство....

— Нѣтъ, вы ошибаетесь — возразилъ Колингвудъ:— чувство долга можетъ овладѣть нашимъ существомъ до того, что оно входитъ въ нашъ характеръ и дѣлается одною изъ нашихъ потребностей, точно такъ же, какъ пища, которую мы употребляемъ, превращается въ части нашего организма. Я, можетъ быть больше чѣмъ кто-либо другой, постигъ, что значить забыть свое собственное я. Но obviously забыть себя все-таки нельзя; есть вещи, отъ которыхъ мы вовсе не властны отрѣшиться.

Тутъ онъ остановился и, положивъ мнѣ на плечо свою зрительную трубу, направилъ ее на виднѣвшійся вдаль огонекъ.—„Рискованная судя!“ преговорилъ онъ и сталъ рядомъ со мною. Я замѣтилъ, что ему хочется сказать мнѣ что-то. Послѣ некотораго молчанія, наконецъ онъ спросилъ:

— Отчего вы никогда не спрашиваете меня о вѣсѣмъ отцѣ? Неужели вамъ не любопытно узнать о его страданіяхъ, о его жизни, о его надеждахъ?

Колингвудъ внимательно сталъ смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Я боюсь быть нескромнымъ, отвѣчалъ я въ смущеніи. Онъ пожалъ мнѣ руку, не давая договорить.

— Нѣтъ, не то вы говорите, мой милый!

И адмиралъ ласково покачалъ головой.

— Я не находилъ случая спросить васъ объ этомъ, милордъ.

— Неправда! вы всегда могли бы спросить меня объ этомъ.

Онъ былъ взволнованъ; я началъ новое глупое оправданіе.

— Милордъ, шѣптъ подавляетъ во мнѣ всякую мысль, сказалъ я, принявъ важный видъ.

— Ахъ, бѣдное дитя! нѣтъ, вы не хотите высказать правды. Загляните-ка хорешенько въ вашу душу и вы найдете въ ней равнодушіе къ отцу, чему причиною, конечно, военное его званіе.

Адмиралъ угадалъ причину, а потому я уже не сталъ скрывать правду.

— Да, я мало зналъ своего отца; я видѣлъ его только одинъ разъ въ Мальтѣ.

— Ну, вотъ это такъ! воскликнулъ Колингвудъ.— Вотъ оно

зло! Боже мой! вѣдь и мои дочери скажутъ когда-нибудь обо мнѣ то же самое. Онѣ скажутъ: мы не знаемъ отца! Да! онѣ обо это скажутъ!.. А между тѣмъ вѣдь я ихъ люблю и люблю пѣвно; я ихъ самъ воспитываю издали, съ своего корабля; я имъ каждый день пишу письма, направляю ихъ чести, ихъ занятія, вѣщаю имъ дѣтской довѣренности и любви ко мнѣ сообщаю имъ свои мысли и чувства; я передаю имъ иногда замѣчанія, выговоры; мнѣ известно все, что онѣ дѣлаютъ; я знаю даже когда онѣ бываютъ въ церкви и въ какихъ рядахъ; матери же ихъ я дѣлаю постоянныя внушенія относительно ихъ воспитанія. Я напередъ знаю, кому онѣ понравятся, кто будетъ просить ихъ руки, за кого онѣ выйдутъ замужъ; я воспитываю ихъ набожными и простыми; лучшимъ отцомъ, чѣмъ я, почти невозможно быть.... Ну и что же? все это пустяки, онѣ все-таки не видятъ меня, не знаютъ меня!..

Коллингвудъ сказалъ это такимъ голосомъ, въ которомъ ясно слышались слезы. Послѣ минуты молчанія, онъ снова продолжалъ:

— Да, Сарра только и сидѣла у меня на козѣнкахъ, когда ей было два года. Вы въ правѣ быть равнодушнымъ къ отцу, и онѣ мои дочери также имѣютъ это право. Призракъ нельзя любить. Что для нихъ отецъ? ежедневное письмо, совѣтъ—болѣе или менѣе холодный? А совѣтовъ не любить, любить живое существо; умри онъ, его отсутствіе не будетъ замѣтно, какъ и прежде, и онѣ не стануть даже о немъ плакать!

Добрый старикъ заплакалъ и быстро зашагалъ по палубѣ. Въ первый разъ въ жизни, я постигъ тогда, что такое отеческая любовь и на сколько воспитаніе наше было недѣло, заставляя насъ мечтать только о войнѣ и отчуждая отъ семейнаго очага. Этой-то именно любви мнѣ не доставало, и я рѣшилъ замѣнить ее любовью къ отечеству.

Черезъ нѣсколько минутъ адмиралъ опять подошелъ ко мнѣ.

— Я вамъ долженъ сказать—началь онѣ болѣе твердымъ голосомъ—что мы скоро приблизимся къ берегамъ Франціи. Я постоянный стражъ вашихъ береговъ. Мнѣ нужно вамъ теперь напомнить, что вы у меня подъ честнымъ словомъ, а потому я не буду слѣдить за вами.... Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ нами страсть освободиться, дѣтя мое; но если вы почувствуете, что вы не въ силахъ удержаться отъ неушуенія, то приходите ко мнѣ, я васъ утѣшу, постараюсь

поддержатъ и укрѣпятъ. Но Боже васъ упаси марать ваше доброе имя, какъ это, впрочемъ, къ величайшему моему прискорбію, сдѣлали нѣкоторые изъ вашихъ офицеровъ. Не забудьте, что каторжнику можно такъ поступить, но человѣку, связанному честнымъ словомъ—никогда.

„И адмиралъ ушелъ послѣ этихъ словъ, пожавъ мнѣ дружески руку.“

Изъ приведеннаго разговора можно видѣть, какую необыкновенную силу характера и какимъ возвышеннымъ благородствомъ чувствъ отличался герой англійскаго флота — Колингвудъ. Дѣйствительно, въ продолженіе почти сорока лѣтъ этотъ человѣкъ не разставался съ войною и моремъ; утаивалъ одинъ корабль, онъ пересаживался на другой, какъ неутомимый наездникъ; въ продолженіе плѣна Рено онъ перемѣнилъ семь кораблей. Цѣлыя ночи, совсѣмъ одѣтый, просиживалъ онъ на пушкахъ верхней палубы, сторожа берега Франціи и изопряясь въ искусствѣ удержать свой корабль безъ якоря на одномъ мѣстѣ или въ одномъ и томъ же направленіи, несмотря на противный вѣтеръ и грозу. Онъ постоянно училъ свой экипажъ. Этотъ богатый человѣкъ и перъ Англійи не пользовался вовсе своимъ состояніемъ, не зналъ никакого комфорта; какъ и всякій простой матросъ, онъ любилъ свою оловянную миску; сходя въ свою каюту, онъ дѣлался отцомъ семейства, писалъ письма своимъ дочерямъ, совѣтуя имъ не быть великосвѣтскими дамами, читать не романы, а исторію, путешествія и въ особенности Шекспира. Иногда, чувствуя, что здоровье его видимо разстраивается, Колингвудъ просилъ, чтобы его смѣняли, чтобы его уволили, но постоянно получалъ одинъ отвѣтъ: „оставайтесь въ морѣ.“ Однажды онъ писалъ адмиралтейству: „Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ свою родину, я и десяти дней не пробылъ ни въ одной гавани; глаза мои слабѣютъ; быть можетъ, когда наконецъ вы позволите мнѣ видѣть дѣтей моихъ, то море уже совершенно ослѣпитъ меня.... Мнѣ очень прискорбно наконецъ, что между всѣми офицерами королевскаго флота не находится ни одного, который бы могъ замѣнить меня.“ На это ему лаконически отвѣчали:—„Вы останетесь въ морѣ до конца дней вашихъ, если это нужно будетъ для интересовъ Англійи.“ И онъ дѣйствительно оставался въ немъ до самой своей смерти.

„Видя такое величіе характера Колингвуда — говорить Ре-

но — могъ ли я роптать на свою судьбу, если онъ не ропталъ? Знакомство съ этимъ вѣрнымъ сыномъ отечества было для меня счастливою встрѣчей, потому что здѣсь я впервые постигъ, какого именно величія намъ нужно желать въ войскѣ и на сколько такое величье, такая любовь къ отечеству возвышаютъ наше ремесло и могутъ сдѣлать священною память о многихъ изъ насъ. Я не зналъ ни одного человѣка, который бы обладалъ въ высшей степени внутреннимъ самодовольствомъ, истекающимъ изъ сознанія святаго чувства долга и такою скромностію и равнодушіемъ къ славѣ собственнаго имени, лишь бы благоденствовало общее дѣло. Однажды онъ писалъ: „Поддерживать независимость моей родины — первая святая обязанность моей жизни, и я готовъ скорѣе пожертвовать собою для ея защиты, чѣмъ въ пышномъ бездѣйствіи, среди праздной толпы, проводить время“.

Короче сказать, Колингвудъ сдѣлался для Рено идеаломъ, образцомъ того, каковъ долженъ быть каждый честный гражданинъ, воинъ не изъ честолюбія, а изъ сознанія долга, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ вовсе не сочувствовалъ идеѣ войны. Созерцая этотъ идеалъ, Рено всячески старался приблизиться къ нему, сдѣлаться столь же полезнымъ, какъ и онъ, для своего отечества; но плѣнь сдерживалъ эти порывы, и у Рено явилось непреодолимое желаніе избавиться отъ плѣна. Однажды онъ едва не рѣшился измѣнить своему честному слову, условившись бѣжать съ нѣсколькими французскими офицерами. Это было въ Гибралтарѣ. Какой-то контрабандистъ вызвался доставить плѣнныхъ на французское судно, и Рено соблазнился возможностью возвратиться въ отечество: подъ вліяніемъ винныхъ паровъ онъ согласился быть участникомъ побѣга и общалъ явиться на сборный пунктъ къ назначенному времени.

„Насталъ наконецъ и урочный часъ! — рассказываетъ Рено. — Голова моя кружилась, а я все еще не рѣшался; я старался придумать особенный какой-нибудь мотивъ для побѣга, и въ то же время забывалъ, что это не болѣе какъ созданіе моей собственной фантазіи; во мнѣ происходила страшная внутренняя борьба; я не замѣтилъ даже, какъ я шелъ и несъ съ собою связку моего платья къ мѣсту свиданія, и уже почти подходилъ къ дому, гдѣ мы наканунѣ условились встрѣтиться, какъ вдругъ остановился и вспомнилъ что я дѣлаю.“

Когда я вспомнилъ, что дамидю своему слову, мною овладѣлъ такой ужасъ, что мнѣ показалось, будто я сошелъ съ ума. Я не оглядываясь побѣжалъ назадъ и, бросившись въ воду, доплылъ до корабля и влѣзъ на палубу. Очутившись на ней, я такъ обрадовался своему спасенію отъ безчестія, что схватился за мачту и сталъ плакать какъ ребенокъ. Колингвудъ посмотрѣлъ на меня, показалъ видъ, будто предполагаетъ, что я боленъ и велѣлъ снести меня въ мою каюту. Я его громко умолялъ поставить часоваго у дверей, чтобы мнѣ нельзя было выйти ночью. Меня заперли и мнѣ стало легче.... На слѣдующій день мнѣ пріятно было узнать, что мы уже въ открытомъ морѣ и что почти не видно земли, едва не сдѣлавшей виновницею моего безчестія. Я думалъ объ этомъ, какъ вдругъ моя маленькая дверь отворилась, и въ нее вошелъ Колингвудъ.

— Я пришелъ проститься съ вами — началъ адмиралъ, и лицо его было покойнѣе обыкновеннаго — завтра утромъ вы ѣдете во Францію.

— О милордъ, неужели вы пришли шутить надо мною?

— Дитя мое, это было бы слишкомъ жестоко съ моей стороны: я и такъ уже не правъ передъ вами. Я долженъ былъ оставить васъ въ Нортумберлендѣ въ тюрьмѣ и не связывать васъ честнымъ словомъ; вы бы могли тогда безъ всякаго угрызенія совѣсти бѣжать, воспользовавшись первою удобною минутою. При большой же свободѣ, вы больше и страдали, мой другъ. Но, слава Богу, вчера вы не поддались искушенію, которое бы обезчестило васъ. Это значило бы потерпѣть крушеніе у самой пристани, потому что я уже дѣлалъ двѣ какъ писалъ о вашемъ освобожденіи, и вчера получилъ на то разрѣшеніе. Я дрожалъ вчера за васъ, потому что зналъ намѣреніе вашихъ товарищей; я не мѣшалъ имъ бѣжать ради васъ, изъ опасенія, чтобы васъ не захватили вмѣстѣ съ ними. А случись это, чтобы вы сдѣлали тогда?... Вы бы погибли тогда, мое дитя, да и храбрые старики Наполеона не совсѣмъ-то ласково приняли бы васъ въ свою компанію: они дорожатъ честію.

Я былъ такъ смущенъ, что не зналъ какъ и благодарить адмирала.

— Ну ладно, ладно, не за что и благодарить: мы довольны другъ другомъ, вотъ и все! А мнѣ придется умереть въ

моей тюрьмѣ; я привыкъ къ ней, да и стою того. Но не долго мнѣ мучиться; я чувствую, что ноги мои слабѣютъ и начинаютъ дрожать. Въ четвертый разъ я просилъ лорда Мальгрэва отпустить меня, но онъ мнѣ снова отвѣтилъ, что меня не кѣмъ замѣнить. А когда я умру, вѣдь долженъ же будетъ кто-либо замѣнить меня, и не мѣшало бы, кажется, имѣть это заранее въ виду. Я останусь опять сторожить Средиземное море; но вы, милый мой другъ, не теряйте времени: Я могу вамъ посовѣтовать только одно: довѣряйтесь скорѣе какому-нибудь принципу, чѣмъ человѣку; любовь къ отечеству на столько велика и возвышенна, что въ состояніи наполнить все ваше существованіе и занять вашу умъ.

— Увы, милордъ! Иногда не такъ легко знать потребности своего отечества, какъ кажется... Впрочемъ попытаюсь узнать ихъ.

Мы еще разъ простылись, и я съ стѣсненнымъ сердцемъ разстался съ достойнымъ человѣкомъ, смерть котораго горько потомъ оплакивалъ. Онъ умеръ посреди открытаго моря, въ которомъ провелъ сорокъ девять лѣтъ своей жизни, и не удостоился даже счастья видѣть своихъ дочерей.

Одинокій и угрюмый, Колингуудъ умеръ какъ старый догъ Оссіяна, вѣчно сторожа свободные берега Англии.“

Возвратившись во Францію, Рено былъ представленъ императору Наполеону. Императоръ встрѣтилъ его упрекомъ, отчего онъ не бѣжалъ изъ плѣна, и объявилъ, что не любитъ плѣнныхъ, такъ какъ храбрые люди не попадаютъ въ плѣнъ. Опешоленный такимъ отзывомъ, Рено снова поступилъ на службу, но окончательно разочаровался въ своемъ идеалѣ; онъ забывался среди войнъ тогдашняго времени и находилъ особенную прелесть въ трудностяхъ военной жизни: умъ и характеръ его окрѣпли въ несчастіяхъ и тревоженіяхъ жизни; изъ прежняго усерднаго слуги и поклонника Наполеона, онъ сталъ служить отечеству, не придавая никакого значенія чинамъ, наградамъ, орденамъ, вида въ нихъ не болѣе какъ игру случая. Когда императоръ проѣзжалъ мимо полка, въ которомъ служилъ Рено, онъ нарочно прятался, чтобы не быть замѣченнымъ и награжденнымъ; онъ довольствовался сознаніемъ того, что имѣетъ право приписать лично себѣ хоть малую часть той славы, какую приобрѣтали войска и притомъ безъ всякихъ видимыхъ наградъ и отличій для себя. Отъ того

онъ подвигался по службѣ очень медленно, такъ что въ 1814 году былъ только поручикомъ. Въ замѣчательную кампанію этого года съ Рено случилось происшествіе, имѣвшее вліяніе на всю остальную жизнь его и оставившее по себѣ глубокое впечатлѣніе. Вотъ какъ самъ Рено рассказываетъ этотъ случай:

„Это было въ 1814 году. Мы воевали тогда съ Россіею и съ союзниками и стояли подъ Реймсомъ, который императоръ приказалъ взять во что бы то ни стало. Начальникъ нашего отряда, зная меня за надежнаго стараго офицера, призвалъ къ себѣ и велѣлъ съ 200 моихъ молодцовъ ночью на русскій передовой постъ и занять Реймсъ.

— Но вы конечно понимаете, что при этомъ не должно быть ни малѣйшаго шума — прибавилъ онъ — а потому вы должны работать только штыками, безъ выстрѣла. Я же съ своимъ отрядомъ вовремя поддержу васъ.

Исполняя это приказаніе, я выбралъ и осматрѣлъ своихъ молодцовъ; велѣлъ имъ разрядить ружья и надѣть шинели, подъ которыми можно было бы спрятать оружіе: иначе блескъ штыковъ могъ бы выдать насъ даже и при темнотѣ ночи. Настало наконецъ время, и мы тронулись. Тихо пробирался по тропинкѣ, ведущей къ русскому передовому отряду, мы безъ труда справлялись съ попадавшимися намъ дорогой сонными часовыми и такимъ образомъ добрались до самаго бивуака, передъ которымъ тоже стоялъ, опершись подбородкомъ на дуло ружья и покачиваясь со стороны въ сторону, полудремающій часовый. Въ мигъ его связали, завязали ротъ и бросили въ нустарникъ; гдѣ онъ сталъ барахтаться. Затѣмъ мы ворвались въ самый лагерь, и я не могу не сознаться, что мною овладѣло какое-то странное чувство отвращенія, какового я никогда еще не испытывалъ въ бою: это была стыдъ нападенія на сонныхъ. Не поддаваясь первому впечатлѣнію, я тотчасъ же постарался подавить его въ себѣ, боясь, чтобы колебаніе мое не было принято за трусость, и желая подать призывъ своимъ старымъ гренадерамъ, первый, съ обнаженною саблею, бросился къ шашкамъ. Тутъ-то началась страшная рѣзня: кто колотъ штыкомъ, кто душилъ, свистѣвъ за горло, кто давилъ колющю, кто билъ прикладомъ ружья...

Вскочивъ въ одну палатку, я ударилъ что-то черное, лежавшее на походной койкѣ; изъ-подъ плаща высунулась съ-

дая голова старика офицера, который ужасно вскрикнулъ и нанесъ мнѣ саблей вотъ эту рану на абу.... но вслѣдъ затѣмъ палъ мертвымъ подъ штыками моихъ солдатъ. Ошеломленный ударомъ, я присѣлъ на кровать, какъ вдругъ изъ-подъ бурки, покрывавшей ее, послышался нѣжный, умирающій голосъ: папа!

Тогда только я понялъ отчаянный крикъ старика и съ ужасомъ посмотрѣлъ на свою малолѣтнюю жертву.... Длинные, кудрявые волосы ребенка красиво падали на его бѣлую, нѣжную грудь; голова его наклонилась, какъ-будто онъ собирался еще уснуть. Его красныя, пухленькія губки поблѣднѣли, но большія полураскрытые глаза сохраняли свою прежнюю прелесть и нѣжность. Я приподнял ребенка одной рукой, и щека его слегка коснулась моей окровавленной щеки; дитя какъ-будто хотѣло спрятать свою голову на груди матери, боясь убійцы. Дѣтская нѣжность, довѣрчивость и спокойствіе сна выражались на его мертвомъ лицѣ.

— „Ну какой же это неприятель?“ невольно вскричалъ я.— И все что во мнѣ было святаго, взволновалось при этой мысли. Я хотѣлъ еще разъ взглянуть на отца моей жертвы, но оглушившись увидѣлъ только грудь мертвыхъ тѣлъ, съ которыхъ солдаты снимали патронташи, безцеремонно вытаскивая всѣхъ за ноги изъ палатокъ. Въ это время прибылъ начальникъ нашего отряда.

— Молодецъ! Вы отлично исполнили порученіе.... Ба, да вы кажетса ранены?

— Взгляните и скажите Бога ради, какая разница между мною и убійцей? обратился я къ начальнику отряда, указывая на ребенка.

— Что за нѣжности! возразилъ онъ; вѣдь это нашъ долгъ.

— Да, вы правы! сказалъ я и опустил дитя на кровать; оно скрылось въ складкахъ бурки, а маленькія ручки его выронили вотъ эту камышевую трость, которая упала мнѣ прямо въ руки.... Это меня такъ поразило, что я тутъ же поклялся, какова бы ни была опасность, никогда не защищаться другимъ оружіемъ, кромѣ камышевой трости.

Я вышелъ изъ роковой палатки, гдѣ пахло человѣческой кровью и, сѣвъ подъ деревомъ, принялся перевязывать свою рану.

— Нѣтъ, надоѣла мнѣ война, сказалъ я громко.

— И мнѣ также, послышался съзади меня знакомый грозный голосъ.

Я оглянулся, приподнявъ свою перевязку, и увидѣлъ передъ собою... не императора-Наполеона, а Вонапарта-воина. Онъ былъ одинъ, пѣшкомъ; ботфорты его были въ грязи, платье въ беспорядкѣ, и съ полей шляпы текли ручьи дождя. Онъ упорно смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Я тебя гдѣ-то видѣлъ, ворчунъ? сказалъ онъ.

Это было его любимое слово; онъ не узналъ меня, и немудрено: я постарѣлъ не столько годами, сколько лицомъ; усталость, сѣдые усы и рана еще болѣе безобразили меня.

— А я васъ видѣлъ всегда и вездѣ передъ собою, не забываемый вами, ваше величество! отвѣчалъ я.

— Хочешь повышеиій?

— Нѣтъ, ужь поздно.

Онъ сложилъ на груди свои мощныя руки и пристально смотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— Да! ты правъ—сказалъ онъ—черезъ какихъ-нибудь три дня, мы оба оставимъ службу.

Ему подвели коня...

Въ это время началась атака, и до насъ стали долетать неприятельскія гранаты. Одна изъ нихъ упала близъ моей роты, и многіе, поддавшись первому впечатлѣнію страха, присѣли, но затѣмъ снова гордо выпрямились, какъ бы устыдясь своего малодушія.

Наполеонъ одинъ приблизился къ еще шипѣвшей гранатѣ и заставилъ свою оыркавшую лошадь понюхать горячій дымъ ея. Все смолкло при видѣ такой отваги—никто не смѣлъ пикнуть.... Наконецъ гранату разорвало, но никого не убило. Гренадеры почувствовали нестойкій примѣръ, данный имъ ихъ властелиномъ, но я видѣлъ въ этомъ поступкѣ болѣе чѣмъ отвагу — я видѣлъ въ немъ отчаяніе. Франція ускользала у Наполеона изъ рукъ, и онъ сомнѣвался въ своихъ вѣрныхъ воинахъ, которые были его единственной надеждой. Я былъ слишкомъ сурово отомщенъ, а онъ, однимъ сомнѣніемъ, былъ слишкомъ наказанъ за свои ошибки. Въ числѣ многихъ другихъ, я приблизился къ императору и крѣпко пожалъ руку, которую онъ протянулъ намъ. Онъ, кажется, не примѣтилъ этого, но я, пожаліемъ руки, примирился въ душѣ съ однимъ изъ величайшихъ людей нашего вѣка. Между тѣмъ забили

тревогу; мы пошли въ атаку, и Реймсъ былъ взятъ. Но... нѣсколько дней спустя и Парижъ былъ взятъ союзниками“.

На этомъ кончается разсказъ Рено. Онъ передалъ свою біографію Альфреду де-Виньи, какъ бы предчувствуя, что ему уже недолго остается жить, что дни его сочтены; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вручилъ автору и нѣкоторыя свои бумаги, прося сохранить ихъ до времени.—Подолгая эту замѣчательную біографію, Альфредъ де-Виньи сообщаетъ свѣдѣнія о жизни Рено послѣ паденія Наполеона и о его смерти.

Послѣ водворенія во Франціи Бурбоновъ, Рено вышелъ въ отставку и не служилъ до самой смерти Наполеона, для соблюденія, какъ онъ выражался, приличія; но потомъ снова принялъ начальство надъ своими старыми гренадерами гвардіи. Не гоняясь за отличіями, не стараясь выдвинуться по службѣ, онъ остался навсегда капитаномъ. Рено былъ того убѣжденія, что если ужъ не быть генераломъ въ двадцать пять лѣтъ, тогда человѣкъ половъ силы и энергіи, то лучше всю жизнь оставаться капитаномъ и жить съ своими старыми солдатами.

Крайне оригинальна кончина капитана Рено, при которой Альфреду де-Виньи случилось присутствовать.

Прошло не болѣе двухъ недѣль со времени вышеописанной встрѣчи наканунѣ іюльской революціи между капитаномъ Рено и Альфредомъ де-Виньи, какъ однажды въ послѣднемъ явился отставной солдатъ изъ роты капитана и сообщилъ, что Рено раненъ 28-го іюля, что ему отняли ногу, что онъ въ горячкѣ и, опасаясь дурнаго исхода болѣзни, желаетъ его видѣть. Ранецъ же былъ Рено мальчикомъ лѣтъ четырнадцати, который, будучи наученъ блуанцами, подошелъ къ нему и выстрѣлилъ въ упоръ изъ пистолета; но выстрѣлилъ и увидѣвъ кровь, мальчикъ самъ испугался того, что сдѣлалъ, и удалъ въ обморокъ. Въ случаѣ этомъ Рено видѣлъ какъ бы волю Провидѣнія, наказавшаго его за убійство ребенка подъ Реймсомъ; онъ даже находилъ, что выстрѣлившій въ него мальчикъ похожъ на того, котораго убилъ въ палатѣ. Поэтому-то капитанъ просилъ не преслѣдовать мальчика, оставить его при себѣ, и поручилъ хозяйкѣ дома, въ которомъ жилъ, воспитать его, подъ условіемъ, чтобы онъ никогда не вступалъ въ военную службу. Для покрытія издержекъ по воспитанію, онъ завѣщалъ хозяйкѣ часть своего имѣнія; другую же часть

оставилъ своимъ четыремъ вѣрнымъ гренадерамъ, которые со времени полученной имъ раны ухаживали за нимъ.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія и назначивъ Альфреда де-Виньи своимъ душеприкащикомъ, Рено передалъ ему и свою трость, и съ полнымъ спокойствіемъ готовился перейти въ вѣчность. Только мысль о ребенкѣ, убитомъ имъ во время ночной свалки подъ Реймсомъ, видимо тревожила его.

— Вотъ — сказалъ онъ, указывая на голову — настаетъ мой конецъ.... ужь доходить до мозга.

Взглядъ его былъ спокоенъ; присутствующіе понимали эту борьбу сильной природы съ одолеваящими ее страданіями и молча глядѣли на страдальца.

— Ему было четырнадцать лѣтъ. Оба... почему этотъ не... бредилъ капитанъ, и вдругъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и проговорилъ:

— Не можете ли вы мнѣ зажать ротъ... Я боюсь говорить, отъ этого слабѣютъ... я бы не хотѣлъ болѣе говорить... Пить хочу....

Ему дали выпить нѣсколько капель воды.

— Я исполнилъ свой долгъ.... вдругъ вскрикнулъ онъ.... Это все таки... и прибавилъ:

— Если отечеству будетъ хоть на волосъ отъ всего этого лучше, то намъ нечего разсуждать....

Это были послѣднія его слова. Спустя нѣсколько минутъ раздался предсмертный крикъ, и капитана Рено не стало.

Въ заключеніе этой повѣсти, Альфредъ де-Виньи посвящаетъ цѣлую главу философскимъ разсужденіямъ о чести, этой важнѣйшей доблести военнаго званія. Но, какъ мы сказали уже, философскія разсужденія Альфреда де-Виньи не всегда отличаются безпристрастіемъ, а потому и не будемъ на нихъ останавливаться; да это было бы и излишне, такъ какъ живые, поэтическіе очерки и картины автора достаточно выясняютъ то, что именно намѣревался выставить онъ. Въ баталіонномъ командирѣ, въ личностяхъ Колингвуда, капитана Рено отчетливо можно видѣть, какіе характеры и стороны военнаго быта желалъ олицетворить Альфредъ де-Виньи. Всѣ

эти типы и очерки интересны и даже поучительны именно въ томъ отношеніи, что они не вымыслены, а списаны съ натуры, съ живыхъ людей, и вотъ почему имѣютъ значеніе не для одного французскаго общества.

* * *

(Продолженіе будетъ.)
